

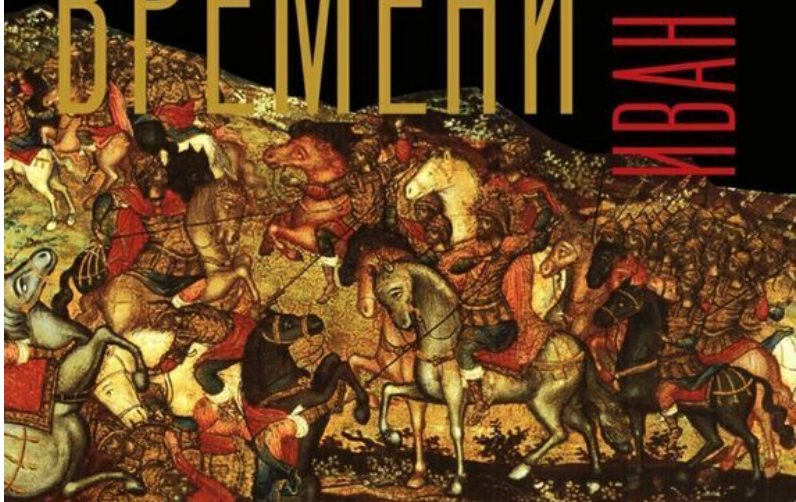
ИЗНАНОЧНЫЕ

ШВЫ

ВРЕМЕНИ

ИВАН СЛЕПЦОВ

Иван Слепцов

Изнаночные швы времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10316424

ISBN 9785447408862

Аннотация

К середине XXIII века развитие технологий делает историю точной наукой, и группа исследователей решит раскрыть тайну сокровищ великого князя, который первым в Северо-Восточной Руси решился на борьбу с властью Золотой Орды. Но вместо мирной экспедиции участников этого предприятия ждет тяжелая военная кампания 1252 года, где соседствуют героизм, отчаяние и предательство.

Содержание

I	5
II	23
III	44
IV	64
V	79
VI	96
VII	115
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Изнаночные швы времени

Иван Слепцов

Дизайнер обложки Александр Касьяненко

© Иван Слепцов, 2017

© Александр Касьяненко, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-0886-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Небольшой зал аукционного дома «Херршерр» постепенно заполнялся. Все чаще новый посетитель вынужден был недовольно морщиться, не обнаруживая свободных мест в первых рядах и тащиться в верхнюю часть амфитеатра по слишком крутой для пятничного утра лестнице. Седой аукционист, которого, судя по табличке на столике, звали Фридрих Майер, довольно улыбался, наблюдая за этим. Минут двадцать назад он заключил со своим новым помощником пари, что из шестидесяти пяти человек, известивших аукционный дом о своем желании принять участие в торгах, сорок или сорок пять придут между половиной десятого и без пятнадцати десять. И оказался прав.

– Это же Гетеборг, парень! Здесь невозможно уснуть в ночь с четверга на пятницу, – довольно бубнил он теперь себе под нос. – Все заявили в три или четыре ночи, а то и в пять, разбудить просили в девять, но сил вылезти из кровати не было, и в итоге на сборы осталось только пятнадцать минут. И теперь они будут делать вид, что отсутствие макияжа и небритость – это стиль.

Потом Майер оглядел зал и отметил про себя, что новичков в нем почти не было. По прошлым торгам он не знал только трех или четырех человек. Зато вся элита кладоискательского мира, как обычно, была на месте. Таша Габербург,

совсем недавно обнаружившая клад Левассера¹, сидела, например, в первом ряду и чему-то довольно улыбалась.

– Дамы и господа! – заговорил Майер, придвинув к себе древнего вида микрофон. – Аукционный дом «Херршерр» рад приветствовать вас в зале, где уже двести пятьдесят лет служат благородной цели: помогают человечеству обрести реликвии и ценности, которые веками считались утраченными.

Закончив фразу, аукционист ненадолго замолчал, чтобы почувствовать аудиторию: приняли ли собравшиеся его пафос? Это было новое начало вступительной речи, и Майер в нем не был уверен. Но ему постоянно приходилось искать что-то свежее: слова, кажущиеся проникновенными, и жесты, подчеркивающие их правдивость. Если их правильно подобрать, люди довольно легко отдают миллионы за вещицы вроде старого ржавого куска металла, который значительная часть экспертов по раннему Средневековью, – если не брать в расчет тех, кто придерживается прямо противоположного мнения, – считает мечом Вильгельма Завоевателя². Тем самым мечом, который он не смог вытащить из те-

---

¹ Оливье Левассер (ок. 1690—1730) – французский пират. Повешен. Долгое время считалось, что он владел тайной самого крупного пиратского клада в истории. В XX веке стоимость этого клада оценивалась более чем 200 млн фунтов стерлингов. Эти оценки оказались недалеко от истины.

² Вильгельм I Завоеватель (ок. 1027/1029—1087) – норманнский герцог, который воспользовался тем, что умерший в 1066 году английский король Эдуард Исповедник якобы завещал трон ему. Высадился с сильной армией в Англии,

ла старшего из сыновей Гарольда Годвинсона, предыдущего английского короля. А если таких слов у тебя нет, то ты и доллара не получишь, даже если продаешь права на вещицы из алтаря главного храма Атлантиды. Слишком длинна история человечества, и слишком много оно уже создало легенд и артефактов.

Зал реагировал вполне дружелюбно, два-три всплеска сдержанных аплодисментов, одобрительные кивки седой части аудитории и вежливые полуулыбки более молодых.

Майер поклонился в ответ и продолжил:

– Сегодня у нас есть шанс вернуть казну Андрея Ярославича, великого князя Владимирского³, жившего в тринадцатом веке, – продолжил он на прежней ноте, но решил, что это уже перебор, и моментально перешел к делу: – С аукционной документацией, как обычно, мы дали вам возможность ознакомиться заранее, поэтому долго распространяться о предмете торгов я не буду. Итак, Организация объединенных сообществ⁴ выставляет на аукцион право собствен-

---

и в битве при Гастингсе разбил войска Гарольда Годвинсона, которого англичане избрали королем. После этого был признан церковью в качестве монарха.

³ Андрей Ярославич (ок. 1222—1264), князь суздальский (1256—1264), великий князь Владимирский (1248—1252), участник Ледового побоища – битвы с силами Ливонского ордена (1242, командовал присланными из Владимира-на-Клязьме войсками), третий сын великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. Свергнут монголами с владимирского княжения из-за попытки сопротивления их власти.

⁴ Организация объединенных сообществ пришла в 2112 году на смену Организации объединенных наций. Причиной стал тот факт, что национальных госу-

ности на две тысячи золотых и серебряных предметов, которые датируются девятым – тринадцатым веками, монеты и оружие этой же эпохи.

– Все эти ценности, – продолжал он, – были собраны для отправки в виде дани Бату,⁵ правителю улуса Джучи, но туда не попали, поскольку князь Андрей предпринял попытку восстановить независимость русского государства.

Затем Майер сделал глоток воды, немного помолчал и заговорил о главном:

– Два ведущих исследовательских учреждения, занимающихся Восточной Европой: Стокгольмский институт средних веков и Национальный центр российской истории, – подтверждают, что казна находилась в войске Андрея Ярославича до сражения у Переславля-Залесского, но затем ее следы теряются. Известно только, где не надо искать эти ценности: их не получили ни Бату, ни Александр Ярославич Невский⁶, которого монголы поставили великим князем Влади-

---

дарств на Земле стало меньше, нежели основанных на принципах общественного договора на той или иной территории, а иногда даже и без нее.

⁵ Бату или Батый (ок. 1209—1255/1256) – внук Чингисхана, с 1227 года правитель государственного образования, именуемого улус Джучи, по имени его отца, или, в русской традиции, Золотая Орда. Совершил два завоевательных похода на Русь, после чего большинство русских княжеств утратили политическую независимость. Пытался подчинить другие государства Восточной Европы, однако не смог этого сделать, так как, несмотря на ряд поражений, они не прекратили сопротивления.

⁶ Александр Ярославич Невский (1221—1263) – князь Переславльский, Новгородский, великий князь Киевский (1249—1263, реальной власти не имел), вели-

мирским вместо брата.

Тут помощник аукциониста поймал взгляд шефа и скривил губы – надеялся показать старику, что тот затянул вступление. Майер сделал вид, что ничего не заметил, но экскурс в историю все-таки свернул.

– Этим научным учреждениям приобретатель патента на клад должен будет выплатить сто шестьдесят восемь миллионов шведских крон и сто двадцать четыре миллиона рублей за проведенные работы. Риск их ошибки застрахован «Эй-Ай-Джи корпорейшн». С учетом стоимости страховки и затрат нашего аукционного дома стартовая цена составляет сто семьдесят восемь миллионов долларов США. Минимальный шаг торгов – два миллиона долларов. Прошу пройти процедуры. Следите за главным экраном и вашими дисплеями.

После этих слов зал перестал походить на старую университетскую аудиторию. Вокруг сидящих появилось что-то вроде разомкнутых цилиндров из серо-голубых лучей. Они полностью закрывали людей друг от друга, гарантируя тайну действий, но при этом не мешали смотреть на Майера и появившееся рядом с ним табло, на котором высветились циф-

---

кий князь Владимирский (1252—1263), второй сын великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. Знаменитый полководец, победитель в Невской битве с шведским отрядом (1240) и в Ледовом побоище. По некоторым сведениям, побратим сына и соправителя Батгяя Сартака. Будучи лояльным монголам, поставлен ими на владимирское княжение вместо свергнутого Андрея Ярославича.

ры 24.04.2246 10:15 и пошли сменять друг друга слова «регистрация», «авторизация», «стартовая цена», «шаг аукциона»...

– Аукцион открыт, дамы и господа! – голос Майера вдруг прозвучал очень возбужденно. Это был почти крик: – Давайте вашу цену!

В следующие десять минут число в строке «лучшее предложение» быстро выросло до двухсот семидесяти миллионов, а потом зал успокоился, и новых шагов некоторое время не было. Майер посмотрел на кривую графика цены на экране и изменил настройки: теперь вертикальная ось начиналась не со стартовой цены, а с нуля. Подъем линии перестал быть устрашающе крутым, торгующиеся, видимо, купились на эту уловку, и посыпались новые предложения.

– Двести восемьдесят миллионов, дамы и господа, – наклонился к микрофону аукционист еще через пятнадцать минут. – Рекорд пятидесятилетней давности, когда продавали...

Но на этот раз в зале послышались смешки – вторую попытку Майера стимулировать ажиотаж собравшиеся учуяли. Тот улыбнулся и развел руками: у каждого своя работа...

Но, впрочем, он ничего не смог бы сделать, даже если и был бы аккуратнее. В зале осталось совсем немного активных участников, настроены они были серьезно и торговались расчетливо. А остальные превратились в болельщиков, и движение графика вверх сопровождалось все более гром-

ким «у-у-у».

Тишина наступила около одиннадцати, когда цена составляла триста шестьдесят два миллиона долларов. Майер почувствовал, что настал ключевой момент торгов и объявил, что теперь после каждого изменения цены «уважаемые участники аукциона» будут иметь минуту для обдумывания своих действий, и включил обратный отсчет времени. Кто-то в зале сразу же добавил к цене два миллиона. Затем произошло событие, заставившее всех ошеломленно вздохнуть: в строке «добавляю» появилась сначала привычная двойка, рядом возник ноль, и спустя мгновение раздался звучный, на весь зал щелчок: человек, повысивший цену сразу на двадцать миллионов, от всей души приложился к старомодной клавиатуре.

И снова начался обратный отсчет шестидесяти секунд, отведенных на раздумывание. В полной тишине. А когда секунд осталось десять, Майер встал. Десятилетиями выношенное чутье подсказало ему, что сегодня ничего интересного больше не будет. Пока еще неизвестный претендент на казну князя Андрея просто раздавил своего последнего конкурента – может быть, мощным броском цены, а может – всего лишь смачным ударом по кнопке.

С ударом гонга Майер оказался предельно точен. Гонг прозвучал именно тогда, когда на большом табло появились нули. Свечение в зале погасло, и Майер поднял руку, чтобы успокоить гомон собравшихся. Постепенно все стихли.

– Дамы и господа! – заговорил он. – Аукционный дом «Херршерр» свидетельствует, что право собственности на предмет сегодняшних торгов уступлено участнику под номером шестьдесят пять. По нашим правилам, этот участник должен назвать себя, назвать лицо, интересы которого он представляет, и своим честным словом, которое в этих стенах имеет силу подписи, гарантировать оплату.

В последнем ряду со скамьи поднялся молодой блондин, смуглый и длинноволосый. Майер припомнил, что именно он вошел в зал последним, волосы у него в тот момент были влажными, а потому красиво выющимися.

– Александр Джозефович Крутюнов, – после этих слов блондин сорвался на хрип, откашлялся и продолжил: – Представляю компанию «Изыскания. АДК и партнеры». Кириши. Россия. Честным словом гарантирую выполнение обязательств.

В этот момент на часах было 11.25. В 11.28 информационное агентство «Рейтер» сообщило читателям: «Поисковый контракт суммой \$384 млн на казну князя Андрея Ярославича Владимирского выкупила компания из России».

Некоторое время Крутюнов потратил на проверку личности. В специальной камере у него проверили отпечатки пальцев и рисунок роговицы глаза. Потом, извинившись, попросили разрешения на сверку кода ДНК. А когда удостоверились, что он Александр Джозефович Крутюнов, Великий Новгород, Российская Федерация, глобальный регистраци-

онный номер 3—007—047—2428—11—04—000248, извинились перед ним еще раз, и Майер самолично проводил его до дверей.

Через группу журналистов, расположившихся у входа в аукционный зал, Крутюнов пробился довольно быстро. Накануне пятнадцать минут перелета из Новгорода в Гетеборг он только и репетировал эту сцену, предвкушая несколько минут своей славы. Набор ничего не говорящих, но кажущихся многозначительными фраз у него был наготове. И услышав «об источниках финансирования пока ничего сказать не могу», «через пару месяцев мы все расскажем», «нет, это бизнес, никакой политики» и «нет, партнерств не будет», заскучавшая пресса отпустила героя.

Крутюнов распрощался с Майером и шагнул за двери прохладного вестибюля красно-белого небоскреба «Гетеборг Уткикен», в котором находился зал «Херршерр». Вышел, оглянулся, удивился еще раз, как и при входе, до чего же архаично выглядит это здание на фоне расположенных рядом. И сразу почувствовал себя плохо: яркое полуденное апрельское солнце Балтики быстро возвратило его в похмелье. Да, это же Гетеборг, здесь не уснуть в ночь с четверга на пятницу. Пришлось ему купить в уличном баре бутылку «Карнеги постер» и вернуть себе хоть какую-то мобильность.

Пиво ему продала симпатичная скуластая брюнетка в костюме чертенка, с забавными рожками и хвостом, кончик которого настойчиво крутился вокруг бедер девушки и искал

местечко, где можно было бы пролезть под ее тугие шортики.

– Какое старое здание! – сказал он ей по-русски, осекся и стал лихорадочно вспоминать, как эта чушь будет звучать по-шведски.

– Это ты про что? – округлил глаза «чертенок», оглядываясь по сторонам.

– Ты говоришь по-русски? – удивился Крутюнов.

– Да, я в прошлом году прожила несколько месяцев в Санкт-Петербурге. Университет. Практика. Да и просто интересно. Но что ты назвал старым?

– Вот это. – Крутюнов указал большим пальцем за своим плечом в направлении стены «Уткикена».

– Так это ж только двадцатый век. Давай, я тебе покажу нечто чуть более старое, – предложила девушка и, не дожидаясь согласия, отстегнула рожки с хвостом, закрыла их внутри бара и ткнула Крутюнова в бок кулачком. – Пойдем!

– Пешком? – ужаснулся он.

– Пешком! – отозвалась она, хохотнула и как-то по-особому взяла его за руку, запустив пальцы под манжету рубашки.

За полтора часа она провела его по набережной Гетаэльва от рыбных рядов и музея мореплавания до морского центра, заставила постоять около старейшего здания города – Крунхюсета, рассказав, как здесь короновали четырехлетнего мальчика, ставшего королем Карлом XI⁷, показала дом

---

⁷ Карл XI (1655—1697) – король Швеции (1660—1697, самостоятельно с 1672), эффективный реформатор. Обеспечил ослабление аристократии и ду-

Ост-Индской компании⁸ и музей «Вольво», а потом предложила поехать на север, где есть чудесные парки с лужайками.

Оживляющее действие пива прошло. Девушка все говорила, а Крутюнов уже почти ничего не понимал и даже не помнил, как она представилась. Он вновь начал ощущать влажную слабость в ногах, желание лечь и не двигаться, у него в мозгу осталось только два желанных образа – новая бутылка пива и прохладная подушка. Он оглянулся по сторонам, увидел фонтан «Посейдон» и понял, что отель, в котором он остановился – «Скандик Густав-Адольф Торг», – был совсем рядом и что ему, Александру Крутюнову, место там и только там. Глянув на край короткого топа, который заманчиво скользил вверх по животу его спутницы, когда она показывала на шпиль городского собора, он на пару секунд засомневался, надо ли идти в номер одному. Но сверился со своими ощущениями и решил, что все-таки лучше не рисковать.

Они попрощались. Девушка тщательно выговорила по-русски «приезжайте еще», хлопнула Крутюнова по плечу и пошла через улицу к двери небольшого кафе. Но не дошла. Ее окликнули из притормозившего мобиля⁹, она обрадова-

---

ховенства, ликвидировал зависимость крестьянства от дворян, создал мощную армию.

⁸ Шведская Ост-Индская компания создана для ведения морской торговли с восточными странами в 1731 году. Пользовалась монопольным правом на эти операции до 1814 года, фактически прекратила свою деятельность в 1821 году.

⁹ Мобиль – наземное транспортное средство, способное передвигаться как

лась водителю и быстро впрыгнула на сиденье рядом с ним, еще раз махнув прежнему спутнику на прощанье. Тот вздохнул, развернулся и вошел в подъезд «Скандика».

За дверями было прохладно, имелся и киоск с напитками. Крутюнов прихватил две бутылки пива, открыл обе и пошел к лифтовому отсеку, отхлебывая на ходу из каждой по очереди и пытаясь определить, способен ли он еще отличить на вкус «Балтику» от «Карнеги постер».

Вкус отличался. «Значит, я буду в норме часа через четыре, – решил он. – И чего я один пошел? Олух».

В своем номере он первым делом зашел в туалет, вылил «Балтику», потом заказал еще «Постера» и уселся за монитор архаичного гостиничного компьютера.

Он ожил секунд через десять – старье так старье. Крутюнов вызвал медийный агрегатор¹⁰ и начал набирать буквы в поисковой строке пальцами правой руки, свободной от бутылки: «к», «а»... Буквы путались, но через минуту на экране все-таки светились слова «казна князя Андрея аукцион».

Поиск выдал с полторы сотни сообщений. Вверху с пометкой «максимальная полнота на данный момент» стояло сообщение «Рейтера». Крутюнов заплатил десять центов и от-

---

по традиционным дорогам с тем или иным твердым покрытием, так и по Си-Ти; Си-Ти – Си-Ти – силовая трасса, элемент транспортной инфраструктуры, где поверхностью для движения служат не традиционные дорожные материалы, а «спрессованные» до возникновения плотности атомы атмосферного азота.

¹⁰ Медийные агрегаторы – виртуальные библиотеки, собирающие и каталогизирующие сообщения лицензированных средств массовой информации.

крыл материал.

«Традиционный аукцион в Гетеборге, на который четыре раза в год выставляются права на поиск и выемку древних кладов, закончился победой неизвестной российской компании, – писал корреспондент. – Она называется «Изыскания. АДК и партнеры». Зарегистрирована в небольшом городке Кириши в Северо-Западной области, который известен только своим музеем промышленных технологий, созданным на базе нефтеперерабатывающего завода конца XX – первой половины XXI века. Представитель фирмы назвался Александром Джозефовичем Крутюновым и был по всем процедурам идентифицирован с этой личностью.

Александр Крутюнов совершенно неизвестен в профессиональных кругах кладоискателей.

Победитель аукциона заплатил за контракт в два раза больше начальной цены. Это новый рекорд. Прежний, установленный в 2112 году, когда шотландская компания «Искатели сокровищ из Глазго» выиграла право на поиск и извлечение последних золотых слитков с британского крейсера «Эдинбург», затонувшего к северу от Мурманска в 1942 году¹¹,

---

¹¹ Крейсер «Эдинбург» в последнем своем походе во время Второй мировой войны выполнял сопровождение конвоя QP-11 из Мурманска в порты Великобритании. Транспортировал золото, необходимое в производстве радиооборудования для нужд СССР и погашения долга за поставки в «долендлизовский» период. Торпедирован германской подлодкой, выдержал бой с подошедшими кораблями Кригсмарине, но затем был затоплен

превышен в два раза.

Итоги торгов удивляют специалистов. Представители пяти крупнейших поисковых компаний по рейтингу «Форбс Мэддли форшунгсгрупп» были едины во мнении, что исходных данных для гарантированного успеха ничтожно мало, поэтому они не были готовы давать более 15% премии к стартовой цене. Один из очевидцев сказал даже, что он не удивится, если окажется, что Крутюнов сделал свое победное предложение цены по ошибке. «Какая-нибудь ерунда с инструкциями вышла или что-то еще более анекдотичное», – считает Карл Стейерсон из «Шатцзухер-ферайн».

Сам Крутюнов на вопросы о сроках и способах поиска отвечать отказался, отделавшись обещаниями сделать это позднее, но не ранее чем через два месяца. Связаться с ним позднее, чтобы задать вопрос, а не допустил ли он ошибку, не удалось».

Дочитав, Крутюнов хмыкнул: «Хорошо получилось. Никто пока ничего не понял! Андрей будет доволен».

«Хорошо все-таки в гостинице, – думал он, расхаживая по номеру. – Вернулся, а у тебя убрано, постель застелена, в ванной свежий халат, пепельница пустая. Дома утром в начале уикенда так не бывает. Так, что у нас тут? Бутылка из-под виски? Нет, это бутылка, где еще есть виски. А вот теперь это уже бутылка из-под виски. А почему, кстати, им не уда-

лось со мной связаться? Я же киктоп¹² не отключал... А где он, кстати? Та-а-ак... Вот черт! Куда я его сунул? Или обслуга прибрала? Где, по их мнению, место у киктопа? Ящички... Ящички... Здесь пусто. Здесь тоже. Звонок! Ага, это в спальне».

– Хэлло! Да, Крутюнов. Нет, вы отлично говорите по-русски. Киктоп? Да, терял. Где? Спасибо. Я – ваш должник.

Киктоп – небольшую гибкую серебристую пластинку, с клейкой на ощупь поверхностью, которая позволяла прикрепить это устройство к любой поверхности, – принесли буквально через пять минут. Крутюнов сразу же подключился к его памяти.

Трек 1. «Шурик, позвони мне. Феликс».

Позвоним, конечно. Это у нас во сколько было? 23.15. Теперь уже не принципиально, когда мы поговорим. Так что Феликс подождет.

Трек 2. 00.25. «Шурик, не валяй дурака. Ответь. Есть новые вводные».

Опять Феликс.

Трек 3. 00.50. «Крутюнов! Если я прав и ты тусишь,

---

¹² Киктоп в узком смысле является кибернетическим разумом, способным вживаться в любое из примерно трех миллионов устройств, выпускаемых земной промышленностью к середине XXIII века. Выполняет любые коммуникативные функции, а кроме того, помогает человеку помнить. Недостатками являются определенная свобода воли и зачатки совести, которые иногда заставляют киктоп стремиться к тому, чтобы выйти из-под контроля владельца. В широком смысле – собственно устройство.

а киктоп оставил в номере, то ты поедешь в поле, причем с грузом. С тяжелым объемным грузом. С острыми углами».

Это опять Феликс. Голос тяжелый. Надо позвонить. Какие еще новые вводные могут быть в полночь?

Трек 4. 01.52. «Саша. Это Олег. Феликс жалуется, что не может тебе дозвониться. Ты с ним не хочешь говорить? Набери меня. Есть важная информация насчет завтрашнего мероприятия».

Какая, к черту, информация ночью может быть.

Трек 5. 03.15. «Саша, я тебя удавлю на хер, если ты не позвонишь! Гостиница говорит, что ты пришел. Ответь!!»

Это Олег. Злой Олег. Очень злой.

Трек 6. 04.12. «Саша, ты поедешь в поле. В палеолит. Но без яиц. И если ты думаешь, что я тебе их отрежу, то глубоко ошибаешься. Я тебе их обмотаю колючей проволокой и буду оттягивать лебедкой, пока они не оторвутся».

Теперь Феликс. Тоже очень злой. Что у них там произошло?

Трек 7. 05.23. Ничего не говорят. Матерятся где-то далеко. Почему я не слышал? Я же уже пришел... Правильно, киктопа ведь у меня не было. Я же его потерял где-то.

Трек 8. 06.04. «Саша. Это Олег. Надеюсь, что ты слышишь. Тебя не могли найти всю ночь, и это очень плохо. Я не успеваю прилететь, а Андрей просил передать, что на торгах идти выше 320 миллионов мы не можем.

Триста двадцать! А ты дал триста восемьдесят четыре! Ы-ы-ы!

Каждому, наверное, знакомо, что происходит с организмом, когда ты сделал непоправимо плохую вещь: бил пешехода или отослал восторженное описание событий предыдущей ночи совсем не тому, кому следовало. Кровь останавливается и холодеет. Руки дрожат и становятся до омерзения влажными. Ты пытаешься вытереть их о брюки, но брюки, как оказывается, уже промокли насквозь. Тебя облило снаружи и пропитало внутри липкое чувство полного фиаско. Все внутри и снаружи у тебя гадкое и вонючее, а с действительностью тебя связывает только одна мысль: «Что же теперь будет?!» Ты вообще не понимаешь, что может быть, и выключаешь киктоп. Тебе очень страшно.

Но через пятнадцать минут или через пару часов – в зависимости от твоей толстокожести – становится легче. Возникают более рациональные вопросы: «Что будет со мной?», «Можно ли что-нибудь сделать?», «А не удастся ли отмазаться?»

Еще спустя пару часов и четверть бутылки виски слова «Можно ли что-нибудь сделать?» звучат в твоей голове чуть иначе: «Надо все-таки что-то сделать!» От такой постановки вопроса до начала самоспасения остается совсем немного. Две рюмки виски и еще полчаса. В крайнем случае, три.

И вот первая спасительная мысль пришла в голову Крутюнову: «Квира! Она-то со мной всегда поговорит, а ее Андрей

послушает».

Киктоп он включать не стал, воспользовался гостиничным телефоном.

– Квира? Извини! Не отключайся!..

Еще одна попытка.

– Квира! Подожди! Слушай, тут такая катавасия случилась... У меня что-то с киктопом было. А Олег с Феликсом меня всю ночь, оказывается, разыскивали. Страшно злые. Феликс про яйца и лебедку говорил. Пожалуйста, позвони Андрею, поговори с ним, узнай, что и как. Пожалуйста! Скажи, что я какой-то невменяемый, что ты понять ничего не можешь. Что я реву, как... как... Не надо как. Скажи так: «Мне кажется, он плачет!» Хорошо? А потом вызови меня. Только не через киктоп, а в гостиницу. Киктоп я выключил. Ага, мне его страшно включать.

II

– А это исключительно правильная мысль, Квира.

Хозяин большого светлого кабинета в небоскребе в Кре-невицах – академическом пригороде Новгорода – резко отвернулся от панорамного окна и посмотрел на миниатюрную рыжеволосую девушку в голубом бове. Она стояла с фужером шампанского у бара и почесывала за ухом развалившегося на стойке котоида.

– Какая именно, Андрей?

Названный Андреем прошелся по ковру и остановился у широкого стеклянного стола. Постоял несколько секунд, а потом зло щелкнул пальцем по золоченой пластине, подвешенной в воздухе над его углом. Пластина махнула в сторону, но магнитный подвес немедленно вернул ее на место. «Музей древней истории – доктору Андрею Сазонову, директору Центра прикладной хрономенталистики (ЦПХ). В благодарность за сотрудничество», – было написано на ней каллиграфической чернью.

Еще на столе стоял графин с виски и полупустой стакан. Андрей на глаз оценил остатки, долил еще на пару пальцев и выпил до дна. И только после этого у него прошло настойчивое желание швырнуть чем-то тяжелым в статую Клио¹³,

---

¹³ Клио – муза истории в древнегреческой мифологии.

стоящую у противоположной стены.

– Яйца и лебедка, мисс Квира Эради. Исключительно правильная! И колючая проволока, поверь, – тоже.

– Ну хватит тебе уже, Андрей, – Квира нахмурилась и отставила свой фужер. – Ты мне объясни: где его прямая вина? Разве инструкции твои он не выполнил? Ты ему что говорил? Торговаться до упора, я сама слышала. И кстати, если уж поменялась ситуация с деньгами так быстро, то не надо было забрасывать нас всех сообщениями, а просто сесть на самолетик и прилететь самому в этот чертов Гетеборг. И потом, ты его сам послал, хотя все мы прекрасно знаем, какой он раздолбай. И ты сам знаешь это лучше всех. Про зловредного дедушкина прыща кто придумал? – она немного помолчала, а потом спросила: – Так, что мне передать Саше?

Андрей подошел к бару. Котоид встал, как настоящий кот потерся головой о его локоть, просканировал, понял, что нужно, и требовательно мяукнул. Внутри стойки что-то негромко звякнуло стеклом о стекло, а потом из круглого отверстия, стилизованного под нору, появился уверенно вышагивающий на задних лапах мышоид с нагруженным подносом. Андрей взял бокал и отхлебнул.

«Действительно, „Двойной александрийский“, – он хмыкнул. – Но было бы лучше...»

Мышоид нырнул обратно в свою нору, вернулся, волоча заиндевевшую стеклянную вазу со льдом.

– А кого надо было посылать? – спросил он, зацепившись

за конец монолога Квиры. – Феликса? А что, бои без правил в Европе перестали смотреть? А теперь на арене великолепный Фил Чирадзе! Победитель последних четырех чемпионских поединков в самой сильной лиге Земли и ближайших окрестностей! «Не чувствующий боли и бесстрашный!!!» – Андрей передразнил легендарного Джесси Вентуру¹⁴. – Его же даже кошка узнает. Или этого нашего аристократа, за которым все папарацци гоняются? Или мне надо было ехать? Да как только любой из нас появился бы в зале, все сразу бы поняли, что хрономенталисты додумались, как искать клады!

Андрей закончил переключать лед в бокал с коктейлем.

– Я бы тебя, конечно, послал... Для тебя деньги – святое. Но тебя же вышлют из Гетеборга, как только ты там появишься! И вот мне очень интересно, что же ты там натворила? Ладно, если бы тебя выслали из Сергиева Посада. Но из Гетеборга! Молчишь?

– И почему не смешно? – продолжал он. – Не смешно то, что этот упырь напился... Не напился даже, черт с этим, я сам люблю напиться, но киктоп-то как можно было потерять?!!

Я – не теряю, – он похлопал себя по запястью. – Ты тоже. А этому... надо было потерять!

---

¹⁴ Джеймс Джордж Янош (1951—2048) – профессиональный американский рестлер, известный под именем Джесси «Тело» Вентура, актер, ведущий радиои телешоу, политик, губернатор штата Миннесота.

Ему очень захотелось придумать для Крутюнова еще какое-нибудь словечко помимо «упыря», чтобы тому обязательно икнулось, и не просто икнулось, а до судорог в легких, до искр в глазах, до...

Раздался вкрадчивый стук в дверь, потом дверь осторожно отодвинулась, и в образовавшуюся щель рядом с ручкой просунулась глумливо улыбающаяся, слегка раскосая физиономия.

– И чего ты, Феликс, стучишь? – спросил физиономию Андрей.

– Сюда без стука нельзя, – ответила физиономия. – Здесь диван и Квира.

Андрей с Квирой рефлексивно обернулись на диван. Это была замечательная вещь: на нем могла удобно устроиться целая футбольная команда вместе с подружками.

Физиономия хохотнула, довольная произведенным впечатлением.

– Давай-давай, заходи, – буркнул Андрей. – А где Олег?

Дверь открылась, и шутник оказался в кабинете. Феликс был длиннорук, большеголов и коротконог – этакая карикатура из-под карандаша мизантропа, особо ненавидящего сильных людей. Он пожал Андрею руку, неуловимым движением поймал ладошку Квиры, которую она попыталась от него спрятать за спиной, запрыгнул на стойку и, как будто бы не заметив вопроса про Олега, начал излагать теорию сезонной зависимости между средней длиной юбок сотруд-

ниц Центра прикладной хрономенталистики и количеством аварий в ее окрестностях.

Этот треп неожиданно подействовал на Андрея умиротворяюще, и ему на память пришел случай с водителем длинновоза, зачем-то оказавшегося на Си-Ти рядом со зданием центра. Тот попытался получше рассмотреть одетую в лучших весенне-летних традициях Квиру, которая на придорожной парковке копалась в заднем багажнике своего мобиля.

И засмотрелся. Длинновоз соскользнул с трассы и был словлен в защитную сеть.

Квире до этого дела не было, она уехала, а несчастный водитель долго потом разбирался с дорожной полицией. По крайней мере в конце рабочего дня он еще стоял у того самого поворота к зданию центра и, красный от злости, объяснял что-то небольшой толпе, собравшейся ради невиданного зрелища полицейских.

– ...По статистике больше всего аварий случается рядом с нами в начале апреля. Что мы имеем в этом месяце? – разглагольствовал Феликс. – В этом месяце у нас не только всеми нами глубоко любимая Квира... Извини, солнце, что перехожу на личности. Ничего? А, тебя задело слово «глубоко»? Не задело? Просто именно я не имею оснований так говорить? Хорошо, не буду больше. Так вот! Не только почти всеми нами глубоко любимая Квира носит короткие юбки. В них передевается половина конторы. Что из этого следу-

ет? А то, что...

Феликс говорил и говорил, котоид с мышоидом замороженно его слушали, Квира отстраненно копалась в своем киктопе – медальоне со сценой из Камасутры, а Андрей понял, что к нему наконец-то возвращается способность рассуждать. Да, мысли вели себя недисциплинированно, крутились в голове, наскაკивали друг на друга, пружинили и разбегались, но все-таки они появились.

«От контракта не откажешься – позорище, – думал он. – То есть не в позорище дело, конечно. Черт с ним с позорищем, что оно нам, толстокожим. Но так можно только один раз поступить, и больше в поисковый бизнес не зайдешь – репутация не та. Но шестьдесят с лишним миллионов! Откуда?! А этот гаденыш! Гаденыш! Гаденыш! Гаденыш! Гаденыш! Гаденыш!»

– Андрей! Андрей?!

Сазонов встряхнулся и обнаружил себя сидящим за столом. Квира смотрела на него обеспокоенно. Феликс – иронично. Из простенка между окном и книжным шкафом его окликал бородач размером с греческого полубога. Вернее, его голографическое изображение.

– Андрей, черт тебя побери!

Ракурс изменился, и оказалось, что бородач стоит перед мангалом на широком газоне. Откуда-то из-за его спины неслись детские выкрики и удары по мячу.

– Олег, ты не приедешь что ли? – Андрей встал и помас-

сировал виски.

– Не, Андрей. Сегодня выходной. По выходным я дома. Ты же прекрасно знаешь.

– Ну, ситуация-то... – Андрей пошевелил пальцами. Скорее всего, это должно было означать «хреновая» – уж очень движение напоминало откручивание головы. – Надо бы обсудить... А с тобой все-таки лучше говорить, когда ты рядом.

Бородач пожал плечами. По нему было видно, что сегодня нигде, кроме как на той лужайке, он быть не собирается. А если надо что-то обсудить, он готов – пока шашлык не жарится.

Андрей вздохнул.

– А что с Шуриком делать будем? – встрял Феликс. – И почему мы просто не можем занять, если нам не хватает на контракт.

Андрей что-то буркнул себе под нос, а Квира – переводчик с нечленораздельного – объяснила, что платить нужно уже в понедельник, сегодня выходной, пятница, а потому времени искать деньги нет, и нужно что-то придумывать.

После этого минут с пятнадцать все собачились. Олег вспоминал, как сильно он был против того, чтобы посылать на аукцион Шурика. Андрей отвечал, что нужно было, конечно, послать туда его, князя Олега Владимировича Голицына, особенно после того, как он выиграл голубую ленту океанской регаты, и тогда контракт стоил бы миллионов шестьсот. Квира защищала Андрея, чтобы к нему не приста-

вали с Шуриком – все знают почему. А Феликс время от времени врывается в перепалку с одной и той же фразой: «А вот ни хрена!»

Наконец, покрасневший от бешенства Андрей звонко – ребром – стукнул о стол своим стаканом.

– Говорили, что Шурика надо на полгода в поле отправить? В какое-нибудь неблагополучное место? Вот вы его с собой и возьмете, – сказал он, отдышавшись. – Квиру, Олег, благодари. Она у нас за него заступница.

Бородач хмыкнул: спасибо за подарочек – и отвернулся к своему мангалу. Ему очень хотелось спросить: «Разве у нас есть столько лишних миллионов и разве мы куда-то едем?» Но он смолчал. Молчали и остальные. Феликс теперь пытался заставить кого-то прыгнуть через зажженную горелку фритюрницы, Квира явно собиралась уходить, поскольку вызвала из своего киктопа расписание авиарейсов и внимательно его изучала, а Андрей крутил перед собой пустой стакан и пытался, как это у него называлось, поймать за хвост спасительное озарение. Это было похоже на игру в детей индиго – когда нужно с завязанными глазами поймать ящерицу в террариуме.

– Ну, так и будем молчать? Мне пора уже, – теперь Олег стоял с букетом шампуров в руке. – Давайте, что ли, билеты в нашу экспедицию продавать. Участие в боевых действиях, то да се... Кто там у нас против князя Андрея был послан?

Неврюй¹⁵? Кинуть клич, что нужно разбить этого Неврюя. Тысяч тридцать желающих соберется, не меньше...

Он говорил очень едко, но Андрей не обратил на интонацию внимания, хотя в любом другом случае новая вспышка ругани была бы неизбежна. После того как Олег сказал «билеты продавать», броуновское движение Андреевых мыслей прекратилось, и все стало на свои места.

– Квира! – Андрей вскочил на ноги так резко, что кресло, на котором он сидел, откатилось к стене. – А ты помнишь, кто хотел заказать у нас экспедицию на нашествие Неврюя?

Квира не помнила, но знал ее киктоп. «Потенциальный заказ, – нашлась запись трехмесячной давности. – Национальный центр российской истории (НЦРИ). Контакт: Мария Джойс. Хотят Неврюево нашествие. Требуется полевая группа сопровождения для одного-двух исследователей». А спустя две недели была сделана еще одна: «В цене не сошлись».

– Маша небось обиделась. – Олег почесал свободной рукой затылок. – Хочешь, я с ней встречусь? Старое знакомство... В понедельник, конечно.

– Не надо, – Андрей уже был у двери. – Сам попробую. Я знаю, где она обедает по выходным.

– Эй, босс! А что ты ей хочешь предложить? К чему нам готовиться? – это уже Феликс оторвался от своих игрищ с котоидом. Но Андрей его не слышал – он уже был в лифте.

---

¹⁵ Неврюй – монгольский полководец, командовавший войсками, посланными в 1252 году против великого князя Владимирского Андрея Ярославича.

Пять минут спустя его мобиль уже выезжал из подземного гаража на асфальт подъездной дороги, а затем выбрался на Си-Ти, погрузившись по окна в ее зеленоватое свечение.

Пришлось, конечно, потерпеть, пока подействует детоксикатор, чтобы машина позволила ему нормально разогнаться. Но выпито в это нервное утро было немало, и около тридцати километров он тащился в правом ряду, нервно барабаня пальцами по рулю.

Только около «Белой горы» – нового новгородского аэропорта – красное свечение индикатора алкоголя в крови на панели приборов сменилось зеленым, и он смог заставить стрелку спидометра переместиться около отметки 300. Почтовые беспилотники, летевшие рядом с трассой, теперь перестали его дразнить и даже не пытались соревноваться в скорости. Минуту-другую ему даже удалось продержаться рядом с поднявшимся с взлетной полосы зеленым самолетом, но потом тот резко ускорился, качнул крыльями, и, развернувшись, быстро ушел в направлении эстонской границы.

«Старая Русса, 20» – напомнил киктоп через несколько минут. Андрей стал притормаживать, потом свернул на примыкавшую к трассе бетонку и, проехав пару километров под кронами росших по обочинам дубов, остановился у невысокого здания с вывеской «Сандрообеды и ужины».

Этот ресторан держал человек, гордившийся тем, что на протяжении десяти последних поколений род, к которому он принадлежал, неизменно пополнялся как минимум

одной новой кровью. Собственно, за последние сто пятьдесят лет даже сам термин «этническая чистота» стал архаизмом, но случай Сандро Ржимаржевского был особенным. Еще его прабабушка по материнской линии была в изрядном затруднении, когда ей на восьмидесятом году жизни на таможенном посту близ белорусского Низкоборья предложили заполнить графу «национальность» в бумаге под страшным названием «въездная декларация». Она задумалась надолго, и пограничники даже попытались ее инструктировать. «Мадам, – сказали они, – вспомните, кто были ваши родители, кто гроссэльтерн. И все получится!»

Она напрасно пыталась объяснить двоим очнувшимся от скуки провинциальным балбесам трудность в выборе правильного слова, если у тебя в ближайших предках кубино-американка, канадка итальянского происхождения, классическая полька из-под Познани, иссиня-черный блондин, родившийся в прибрежной деревне в Сомали, до самой смерти считавший себя прямым потомком императора Абиссинии Йоханнуса, арабская девушка, которая первые двадцать лет жизни провела в небольшом городке на одном из берегов Баб-эль-Мандебского пролива, а также три джентльмена, которые вообще не понимали значения слова «национальность». И в конце концов она решилась назвать себя белоруской.

Ее правнук Сандро был мулатом с густыми русыми волосами. У него были миндалевидные серые глаза и прекрасный

горбатый нос. Он был до того хорош собой, что в «Сандро-обедах и ужинах» всегда был открыт конкурс на замещение вакансий официанток, а по четвергам проводились открытые кастинги.

Андрей раскланялся с сидевшим у входа в заведение вальяжным медведем и открыл стеклянную дверь, на которой было не менее трех десятков наклеек со словом «ВХОД» на разных языках. Внутри звук человеческих голосов заглушали звуки столовых приборов – клацанье металла о фарфор. Главным элементом атмосферы был запах по-настоящему вкусной еды. Сюда приезжали на обед даже из Нарвы.

– У тебя, Сандро, новое слово в коллекции на двери? – сказал он, подходя к стойке.

– Да, были туристы из Вануату, – ответил ему человек, которому полутораметровая стойка доходила только до живота.

– А тебя не обманули? Проверял?

– Вроде не обманули. Но я не проверяю. Есть наклейка – и хорошо. Зачем мне проверять? Я что, комитет государственной безопасности? Ты, кстати, не знаешь, его у соседей не отменили? Мне бы к родственникам съездить...

Сандро явно был не в настроении. Видимо, опять направлял в белорусское консульство заявление на выдачу визы и опять получил отказ. Так было уже раз пятнадцать, и каждый раз заявление возвращалось с лиловым штампом «Запрещено. Комитет государственной безопасности Рес-

публики Беларусь» – там до сих пор не могли забыть эпизод с прабабкой, который почему-то был истолкован властями как «оскорбление национальной государственности». Сандро, получая эти письма, всегда впадал в меланхолию, поскольку слова «государственная безопасность» были для него непостижимы в своей бессмысленности, причем в сочетании со словом «комитет» – особенно. Он знал только один «Комитет» – ресторан в Филатогорье, южном пригороде Пскова, откуда он время от времени переманивал официанток на обещание дать тридцатипроцентную прибавку к зарплате и познакомить с папой.

Андрей не стал надоедать Сандро и пошел вглубь зала, по дороге пожимая руки знакомым. Усевшись так, чтобы его было видно от входа, он вызвал из киктопа меню и нажал кнопку «2» напротив «Двойной александрийский». Бармен за стойкой кивнул понимающе, намешал в литровом бокале с крошеным перемороженным льдом виски, гранатовый сок и тоник «Граллз», подозвал официантку и кивнул в сторону Андреева столика. Девушка подняла бокал на поднос, продефилировала фирменной сандрообедовской походкой, способностью к которой Сандро одному ему известным способом опознавал по глазам претендентки, и сгрузила коктейль на столик.

Андрей взял бокал, мысленно провозгласил тост: «Чтобы пронесло!» и выпил не отрываясь. Потом зажмурился, наслаждаясь накатившей истомой, а когда открыл глаза, увидел

напротив себя высокую женщину в темно-сером брючном костюме из очень тонкой материи. Костюм ласково облегал ее тело, тем не менее, подходил под определение «строгий».

– Медитируете, Андрюша? Или фантазируете по обыкновению?

Они встречались не раз, ее манера говорить «Андрюша» сильно коробила Сазонова, но удачно ответить ей у него никогда не получалось. Даже самый простой вариант «Машенька» почему-то казался совершенно неуместным: было в ней что-то от английской королевы классических времен.

– Репетирую, Мария.

– И что же? – вскинула брови Мария.

– Наш с вами непростой разговор. – Андрей решил быть правдивым. – По обыкновению.

– Так вы меня, что ли, ждете? – теперь Мария совсем уж удивилась.

– Стечение обстоятельств, – ответил Андрей и, в общем-то, опять не соврал.

Мария оглянулась по сторонам. Андрей встал, обошел столик и, став за спинкой, отодвинул предназначенное для нее кресло.

– Не оставили мне вариантов. – Мария уселась. – А хорошо у вас получается. Вы, официантом, случайно не работали, Андрюша?

– Нет, – усмехнулся он, возвращаясь на место. – Я все больше по специальности... А что у вас нового? – дежурное

начало разговора, но почему бы и нет.

Мария состроила ироничную гримаску. У нас все новое, работаем мы много, в отличие от некоторых, должна была означать она. По крайней мере, так показалось Андрею, и он решил, что напрасно рассчитывает на этот разговор.

– Что нового? – начала она, проглядывая список блюд. – Изучаем сравнительный урон Золотой Орде в результате поражения от Альгирдаса¹⁶ при Синих водах и от Дмитрия Донского¹⁷ на Куликовом поле. Пытаемся посчитать, сколько взяток в среднем брал приказной чиновник при Алексее Михайловиче¹⁸ до Соляного бунта¹⁹ и сколько после. Прикину-

---

¹⁶ Альгирдас (Ольгерд русских летописей; ок. 1296—1377) – великий князь литовский, сын Гедиминаса (Гедимина). Нанес серьезное поражение Золотой Орде при Синих водах (1362), после чего под его контролем оказалось левобережье Днестра до Черного моря, земли по Южному Бугу, днепровские лиманы и территория вверх по Днепру до впадения реки Роси, а в Киеве стал княжить его сын Владимир. В ходе борьбы за влияние на Тверское княжество нанес поражение войскам московского князя на Тросне, дважды осаждал Москву, однако решающего успеха не имел и отношения Москвы и Твери остались под юрисдикцией ханского суда.

¹⁷ Дмитрий Донской – Дмитрий I Иванович (1350—1389) – князь Московский (с 1359) и великий князь Владимирский (с 1363). Первым из московских князей начал борьбу за освобождение от власти Золотой Орды. За победу в 1380 году над войсками бекляри-бека Мамай получил прозвище Донской. Со времен его княжения Великое княжество Владимирское рассматривалось московскими князьями как наследственное владение.

¹⁸ Алексей Михайлович (1629—1676) – второй русский царь из династии Романовых (1645—1676). В его царствование Россия начала активно вмешиваться в украинские дела, провела успешную войну с Польшей, закончившуюся присоединением левобережной части украинской территории к российскому государ-

ли экономику Северной войны²⁰. Ну и Новгород, конечно...
– А по Новгороду что? – заинтересовался Андрей. Действительно заинтересовался.
– По Новгороду? По Новгороду у нас на этот год главное – уровень образования и падение республики. Пытаемся понять широту кругозора представителей основных боярских родов. Тех, которые защищали традиционные новгородские порядки. Хотим выяснить, способны ли они были в принципе проводить разумную и эффективную политику, реально соизмерять свои возможности и амбиции, могли ли они оценить степень поддержки их действий в среде простонародья или действовали вслепую... Вырисовываются очень интересные выводы...

ству, воевала со Швецией, начала колонизацию на Востоке. При нем была проведена никоновская церковная реформа, вызвавшая раскол в Русской православной церкви; в целом внутренняя политика была не особенно удачной, что привело к нескольким крупным народным и казачьим волнениям.

¹⁹ Соляной бунт – московское восстание 1648 года, вызванное введением косвенных налогов, бьющих прежде всего по бедной части населения, ростом коррупции и самоуправства чиновников. Властям удалось расколоть оппозиционные силы, задоблив присоединившихся к ним профессиональных военных – стрельцов и подавить восстание.

²⁰ Северная война (1700—1721) – война коалиции, в разное время состоявшей из России, Дании, Саксонии, Великобритании, Ганновера, Голландии и Пруссии, со Швецией, на стороне которой также выступали Турция и Гольштейн. Война закончилась поражением Швеции. Россия, сыгравшая в победе коалиции ключевую роль, впервые приобрела серьезное влияние на европейские дела, однако мобилизация всех ресурсов на войну сильно отяготило положение низших слоев российского общества.

– Но, Андрюша, – она махнула рукой на киктоп, – я есть хочу!

Андрей опять открыл меню.

– Давайте для начала возьмем вот этот салат с утиной грудкой и морской капустой. Она у Сандро гидропонная, гораздо лучше натуральной. А вот лосося возьмем настоящего, морского. Он мускулистый...

– Какой? – улыбнулась Мария.

– Мускулистый. Плавал много. Тренировался. Те, которые с ферм, не такие.

Мария опять улыбнулась, и Андрей вздохнул с облегчением: вроде бы налаживается разговор.

Он остановил проходившую мимо официантку, и им быстро принесли местного вина.

– За нормальные выходные, – предложил Андрей.

Они чокнулись, а когда бокалы опустели, Мария спросила:

– Андрюша, а вы заметили, что почти все перестали пить за здоровье?

Андрей удивленно посмотрел на нее.

– Мне кажется, это важно, – сказала она, глядя в окно. – Меняется психология. Крепкое здоровье само по себе перестало быть ценностью.

– Может, мы стали слишком долго жить? – предположил Андрей. – Перестали бояться смерти? Разуверились в существовании чистилища?

– Перестали бояться смерти – это слишком поверхностное объяснение, Андрюша, – усмехнулась она. Потом движением бокала намекнула, что хорошо бы в него налить, и, сделав пару глотков, продолжила: – Так объясняют все, не объясняя ничего. А это большая тема – понять, почему так происходит. Возможно, этот страх купировался после того, как не осталось не заменяемых легко органов, и все привыкли дома ежедневно делать диагностику. Это, конечно, хорошо, но мы стали менее осмотрительными. Рисуем, потому что рассчитываем, что нас подлатают, заменят разможенную коленную чашечку или еще что-нибудь. А инфекций сколько таскаем?..

Андрей кивнул и внутренне весь передернулся, вспомнив, как слег с невероятной температурой после возвращения из лихого отпуска в Варадеро. Он сдох бы наверняка, если бы девушка, с которой они расстались накануне этой поездки, не нашла бы его лежащим без сознания на кухне, когда приехала забирать свои вещи.

Его собеседница опять смотрела в окно.

– Хотите, перейдем на веранду? – спросил Андрей.

Мария согласилась, они нашли свободный столик у самого края деревянного настила и несколько минут молчали, разглядывая Ильмень: небольшой флот яхт в отдалении, мешанина виртуозно уклоняющихся от столкновения друг с другом виндсерферов на воде и парапланеристов в воздухе, несколько человек на ярко-белой полосе прибрежного песка.

Те явно раздумывали: мобилизовать всю свою отчаянность и нырнуть или продолжать прогуливаться, делая вид, что им и солнечных ванн хватает.

– Мало пока народ выпил, – усмехнулся Андрей.

– Это вы про что? – не поняла Мария.

– Про этих, – кивнул Андрей на берег. – Холодно, боязно, не хочется.

– Так, правда ж, холодная вода еще, – возмутилась его собеседница. – Сами бы попробовали!

– Восемь градусов – нормально, – пожал плечами он. – Если тянет вода – нет никаких проблем поплавать.

– Есть в русском языке такое слово – «слабо», – помолчав немного, размеренно проговорила Мария. – Его очень сложно переводить на другие языки, но оно отлично помогает определить степень блефа.

Андрей снова дернул плечами, встал, сошел с веранды на эллинг и пошел к дальнему концу, на ходу расстегивая ковбойку.

У Сазонова была совсем нескладная фигура: одно плечо выше другого, сутулая спина, некрасивые мышцы, несоотносительно большие и разлаписто вывернутые ступни, длинные руки, одна из-за сутулости казалась чуть ли не на ладонь короче другой. Стоявший в конце эллинга мужчина откровенно иронически посматривал в его сторону. Андрей вдруг резко и упруго разбежался в десяток шагов, оттолкнулся от глухо гукнувших досок эллинга и по элегантной ду-

ге влетел в воду.

– Ух ты! – восторженно вырвалось у девушки, которая сидела недалеко от Марии. И весьма громко вырвалось. Ее сосед даже нервно покраснел.

– Вы меня удивили, Андрей, – сказала Мария, протягивая ему бокал с вином, когда он вернулся к столику. – Не думала, что вы на такие очумелости способны.

Андрей усмехнулся.

– Если честно, то мне это совсем не сложно было: почти тридцать лет на полевой работе. Но я рад вас повеселить и удивить. Только давайте, в конце концов, поедим нормально.

Следующие полчаса они почти не говорили – еда была хороша. На веранде стало исключительно приятно. Воздух, до жары нагретый дообеденным солнцем, постепенно остывал. Ветер шарахался: то нагонял свежесть с озера, то пыль и прошлогодних мух из-под настила.

На песок у воды выбрались совсем еще крохотный йоркширский терьер и хорошо знакомая Андрею Чара – стройная дворняга Сандро. В прошлом у нее были тяжелая травма хребта от удара клюшкой для игры в гольф, к счастью не совсем умелого, три боя вничью с соседской сухой питбуля, а теперь она стоически терпела приставания гиперактивного по молодости щенка.

По дорожке зашелестел прошлогодний пересохший лист. Йорк бросил хвост дворняги, кинулся в погоню, настиг его,

задушил. Но ветер напрягся сильнее и выдул из-под досок с полусотни таких же мертвых листьев и погнал их к берегу. Щенок скакнул в центр этой стаи, но ничего не поймал и, разозлившись, разлаялся – зло и звонко.

Андрей наблюдал за ним, развалившись в кресле, и маленькими глоточками пил вино. Мария доедала мороженое, смотрела на озеро и время от времени задавала Андрею вопросы по поводу его собственных экспедиций. И вдруг повернулась к нему и спросила:

– А зачем все-таки вы меня сторожили, доктор Сазонов?

«Ну, слава богу!» – отлегло у Андрея. Он пригнулся к столу и перешел на почти неслышный шепот...

III

– Значит, согласилась ваша Маша? – спросила Квира, глядя на сидящего в стороне от них с Андреем молодого человека. А тот прилип к виртуальному дисплею и поминутно теребил растущую на глазах бороду – она явно была ему непривычна.

– Это Норман Кирлин из НЦРИ. Он поедет вместе с нашими, – сказал ей десять минут назад Андрей. – Знакомьтесь.

Норман пожал Квире руку, слегка покраснел, когда она смерила его взглядом, и попросил, чтобы ему дали почитать некие «инструкции на первое время». Дескать, в отделе эмоционально-психологической подготовки говорили, что их лучше почитать перед самой переброской. Квира хмыкнула, помянула про себя «чертовых бездельников из ЭПП», усадила Нормана на диванчик поодаль и настроила свой киктоп на выдачу «Краткого курса прикладной хрономенталистики для стажеров».

Они втроем сидели в святая святых ЦПХ – в большом зале перебросок. Это было просторное треугольное помещение, одна из стен которого представляла собой громадный экран, вторая – прозрачную перегородку, отделявшую стерильную зону для участников экспедиции, а третья вполне могла бы быть уместной в каком-нибудь средневековом зам-

ке. Она была отделана дубовыми панелями, на ней висели несколько портретов мужчин при оружии и дам в платьях эпохи максимального облачения, а двухстворчатая дверь имела массивный запор, позволяющий выдержать небольшую осаду. Вдоль этой стены стояли несколько разномастных винтажных кресел и пара диванов, на одном сидел Норман, а в углу на стыке со стеной-экраном была оборудована небольшая кухонная зона. В центре зала располагался полукруглый блок рабочих мест, напоминающий штаб небольшого воинского соединения или фермерский офис крупного скотоводческого хозяйства.

Впрочем, сейчас зал освещала всего пара небольших плафонов, выхватывавших из сумрака только Нормана и Квиру. Она рассматривала его, а Андрей – ее. У Квиры была красивая привычка не одергивать короткое платье, если вдруг рука случайно упадет на подол, а наоборот чуть подтягивать его кверху. За шестьдесят четыре года своей сознательной жизни Андрей видел такое изумительное чудо только в исполнении двух женщин – Квиры и своей старшей дочери Лизы, когда та привезла к нему в парижскую квартиру будущего мужа. Его звали Петер Дюбуа, и был он наследником Луи-Филиппа Орлеанского, гражданина Эгалите²¹ и короля

---

²¹ Фамилию Эгалите (*франц.* – равенство) после Великой французской революции (1789—1799) приняли два представителя правящего дома Бурбонов – герцог Орлеанский Луи-Филипп-Жозеф и его сын, герцог Шартрский Луи-Филипп. Так они, убежденные либералы, продемонстрировали свой разрыв с традициями феодальной аристократии.

французов в 1830—1848 годах. Ради такого случая – не из-за аристократичности своего друга, конечно, а из-за замужества – она решила надеть платье, хотя обычной ее одеждой были майки, футболки и джинсы. Получилось очень мило.

– Согласилась, да, – наконец ответил он. – Пришлось, конечно, извиниться за тот случай. Свалил все на организационную неразбериху. Переходный период там, то да се. На будущее кое-чего пообещал.

– Поверила?

– Нет, конечно, – Андрей усмехнулся. – Она ж умная женщина. Но получить за семьдесят миллионов долларов экспедицию, которую в обычных условиях пришлось бы покупать за триста, – отличная сделка.

– Они же изначально хотели ведь из Неврюева войска за всем наблюдать, – вспомнила Квира. – Или это не принципиально?

– Нет, – Андрей покачал головой. – Это не важно. Безопаснее, конечно, с монголами идти, но Норман сказал, что ему в принципе все равно, но с ними было бы противно. Поэтому наш вариант всех устроил. Будем отправлять группу на базу в Мещере.

– А кто этот Норман?

Андрей почувствовал, что этот вопрос Квира хотела задать раньше.

– Родился у нас. Когда ему было пять лет, они с матерью переехали в Англию, к его отцу. В школу он ходил там,

высшее образование получать вернулся в Москву. Три курса на истфаке МГУ, потом перешел в Сорбонну, там защищал кандидатскую по ранней истории Киевского княжества. Она оказалась весьма и весьма хороша, первая премия на каком-то конкурсе, и Мария пригласила его поработать в России, – Андрей коротко пересказал справку, которую ему переслали накануне вечером, и добавил от себя то, чего там не было: – И нашим обузой быть не должен. Мария мне сказала, что он очень хорошо подготовлен физически.

«Да уж, – подумала Квира, пытаясь представить, сколько ее ладошек нужно, чтобы обхватить бицепс Нормана. – Я бы даже сказала, отлично подготовлен».

Потом Андрей еще довольно долго, прохаживаясь туда-сюда, рассказывал, как они уточняли с Марией детали маршрута и как выдумали легенду для Олега и его группы, чтобы их дружелюбно встретили при дворе великого князя Владимирского Андрея Ярославича. Решено было, что они станут посланниками Даниила Романовича Галицкого²², ко-

---

²² Даниил Романович (1201/1204—1264) – князь Галицкий, Волынский, великий князь Киевский; в 1254 году принял от Папы Римского королевский титул. Участник первого сражения войск русских княжеств с монголами – битвы на Калке (1223). Выдающийся политический деятель своего времени, целенаправленно боролся против установления верховной власти монгольских ханов над галицко-волынскими землями, играл большую роль в межгосударственных отношениях в Восточной Европе. Способствовал строительству городов, привлечению в них населения, развитию ремесел. На дочери князя Даниила Анне (Устинье) с 1250 года был женат великий князь Владимирский Андрей Ярославич.

торых тот отправил к своему зятю сообщить о планах собственных действий против монголов и о поиске новых союзников для борьбы с ними. Олег и Феликс будут знатными волынскими боярами, а Шурик с Норманом – персонами помельче. Норману при этом придется играть роль иностранца, потому что пройти даже сжатый курс адаптации своего лексического запаса к древнерусскому языку он никак не успевал.

Но Квира слушала его вполуха, она размышляла, что могут такие руки, как у Нормана, и стоит ли в них попасть, обратившись к их обладателю с прямым и нескромным предложением. Андрей заметил это, замолчал и, чтобы занять себя, стал прибирать в утилизатор распечатки карт, оставшихся после отправки вчерашней экспедиции. Часы показали 10.30, и автоматика стала готовить все к новой переброске. За стерильной зоной возник тихий гул. Это начали набирать мощность инверторы – странные машины, умеющие подменять значения в сетке координат пространственно-временного континуума. Стена-экран засветилась голубым, и в зале стало светло.

На одном из кресел из тех, что в старой литературе называли покойным, обнаружилась миниатюрная дымчато-серая кошечка. Она была точной копией той, что появилась в центре через пару недель после того, как ЦПХ заработал, и постепенно стала откликаться на имя Анно. Эта кошка прожила в центре четырнадцать лет, последние три – с дочерью,

которую пытались назвать Рагира, но это имя не прижилось, и дочь переняла материнское имя.

Нынешняя Анно была уже восемнадцатой. В официальной «Описи оборудования и посетителей, имеющих право входить в залы перебросок» – документе, название которого Андрей хотел сменить каждый раз, когда он попадался ему на глаза, но потом всегда благополучно забывал, – она значилась аристократически: Анно XVIII. Ей было пять лет, она родилась спустя примерно два с половиной месяца после того, как Анно XVII переночевала в зале с незаблокированными инверторами.

Анно беременели раз в своей жизни. По крайней мере, об ином в ЦПХ известно не было. Обычно это случалось на пятом-шестом году жизни кошки и каждый раз тогда, когда ей удавалось всеми правдами и неправдами оказаться рядом с работающим оборудованием для перебросок в тот момент, когда за ним никто не присматривал.

Предшественник Андрея, Павел Петрович Несынов, руководивший центром до приватизации²³, настаивал на гипотезе, что Анно отправляются в Египет Среднего царства,

---

²³ ЦПХ был приватизирован в 2240 году в рамках преобразования в частные или общественные ассоциации всех российских образовательных и научных учреждений. После серии приватизационных аукционов Андрей Сазонов, заработавший капитал на коммерческих трансвременных проектах в Европе, собрал 20% акций центра, а фонд «Настоящая история», куда он привлек группу инвесторов, в основном наследников пятой и шестой волн российской эмиграции, – 31%.

где каждый раз спариваются с одним и тем же котом фараона Ни-Маат-Ра, более известного потомкам в качестве первого Аменемхета III, а потом возвращаются в свое время. Большинство сотрудников центра в это не верили, но Квира думала, что это может быть правдой. Временами ей даже казалось, что, нагнадевшись в совершенно равнодушные, необычно голубые кошачьи глаза, представив Анно на палубе египетского корабля посреди Черной земли, можно наполнить себя чем-то вязким, густым, одурманивающим, сильно мешающим ровно пройти до рабочего места в центре зала, но потом почувствовать себя необыкновенно свободным. И в конце концов справиться с инверторами.

В пользу версии Несынова говорил и факт нелюбви Анно к окрестным котам. Квира однажды сама видела, как жестоко пострадал красавец из расположенной по соседству усадьбы. Их встреча с Анно XVII длилась не более трех секунд, после чего котяра, который был чуть ли не в три раза больше объекта своих ухаживаний, дико взвыл и удирал восвояси через площадку перед ЦПХ.

Анно неизменно рожали трех почти невесомых котят, из них выживал всегда только один. Вернее, одна кошечка. Молодая кошечка проживала три-четыре года вместе с матерью, а потом оставалась сама себе хозяйкой. Анно-предшественница исчезала, и никто не знал куда.

– А, ты здесь... Подслушиваешь? – Андрей присел на подлокотник кресла и нагнулся к кошке. – Пойдем лучше Квиру

отвлечем. Работать скоро, а она на мужиков таращится.

Анно потянулась, прыгнула с кресла, обошла по кругу зал, подошла к Квире и требовательно мяукнула. Та вздрогнула, как будто ее выхватили из транса, подняла глаза и увидела перед собой Андрея, который держал в одной руке чашку кофе, а в другой – пахучую самокрутку.

– Очнулась...

По интонации это мог быть и вопрос и утверждение. Впервые Квира почувствовала эту двойственность Андреевой речи за полчаса до того, как они стали любовниками. «Пойдем в кроватку», – сказал Андрей, когда они доедали фруктовый коктейль в одном из ресторанчиков на набережной Волхова недалеко от его маленькой городской квартиры, хотя в их отношениях ничто не предвещало возможности такого вопроса. «И ведь не спрашивает, сволочь», – подумала тогда Квира.

Потом за восемь месяцев их близкой дружбы было еще много таких вопросов-невопросов. Большую часть она не запомнила, но три в памяти остались навсегда. Это самое первое про «кроватку», потом «в попку», на что она неожиданно для себя согласилась, а затем ужасно перепугала Андрея жутким конвульсивно-обморочным оргазмом, и, наконец, «на работу», когда почувствовала, что все поменялось и больше – рука в руку, возбуждаясь от одного только скольжения указательного пальца по ладони, – они уже не ходят. А вот нормального «расстанемся» она так и не дождалась,

хотя накануне Нового года в 2240-м только и делала, что репетировала свой ответ.

Она забрала у Андрея кофе, Анно прыгнула ей на колени, а он, попыхивая самокруткой, снова стал расхаживать по залу.

– Волнуешься?

– Как кофе? – спросил Андрей невпопад. – Хорош? Дайка, я тоже выпью, а то не спал совсем сегодня. Крючит...

Он отошел в кухонный угол, выудил из ящика для посуды чистую турку, поколдовал у плиты, и они уселись за аппаратной стойкой. Сначала молчали, поминутно поглядывая на часы, а потом Квира вспомнила, что давно хотела пересказать Андрею случайно подслушанный ею разговор об очередной жалобе на него в Академию наук.

И пересказала. Он немедленно ей ответил: пусть жалуются сколько угодно. Больше не будет ассигнований на бесконечные работы типа сотой попытки подтвердить потери японской эскадры во время боя с «Варягом»²⁴ или опреде-

---

²⁴ «Варяг» – построенный в США в 1900 году для российского императорского флота бронепалубный крейсер. В феврале 1904 года в бою у Чемульпо – первом морском сражении проигранной Россией войны с Японией – встретился с эскадрой противника, которая обеспечивала высадку сухопутных войск в Корею. Крейсер неудачно попытался прорваться к основной базе русского флота – арендованному у Китая Порт-Артуру. Находился около часа под огнем противника, в основном броненосного крейсера «Асама», получил ряд повреждений. Командир «Варяга» капитан I ранга Всеволод Руднев в рапорте после боя сообщил о многочисленных попаданиях в японские корабли, об уничтожении миноносца, о гибели одного крейсера после боя и о доковании двух других, однако

лить с точностью до четвертого знака после запятой численное превосходство турецкой армии над русско-австрийской в Рымникской битве²⁵. Будут только исследования, представляющие интерес для широкого круга специалистов, чтобы очередь за результатами выстраивалась, и только проекты, приносящие деньги. Если во всем мире индустрия так устроена, то почему в России должно быть иначе?

После этого разговор постепенно закрутился вокруг отношений Андрея с теми сотрудниками Центра прикладной хрономенталистики, которые эту концепцию не одобряли, сами себя называли «старой гвардией», а он их – лучшим доказательством того, что рост продолжительности жизни сослужил дурную службу науке.

Примеров его правоты было множество, а последним стало предложение провести несколько экспедиций, чтобы доказать гипотезу: запорожские казаки были аналогом европейского духовно-рыцарского ордена. Андрей рассказывал

впоследствии эта информация не подтвердилась. После войны, несмотря на героизацию «подвига „Варяга“» карьера Руднева быстро завершилась.

²⁵ Рымникская битва – одно из важнейших сражений русско-турецкой войны 1787—1791 годов, в которой Россию после объявления ей войны поддержала Австрия. В сентябре 1789 года на реке Рымник встретились примерно 100-тысячная турецкая армия, 18-тысячный австрийский корпус и отряд будущего генералиссимуса Александра Суворова численностью около 7000 человек. Благодаря энергичным действиям Суворова турки были обращены в беспорядочное бегство, потеряв более 10 000 солдат. За эту блестящую малокровную победу Суворов получил титул графа Рымникского в России и графа Священной Римской империи в Австрии.

об этом Квира, как обычно негодуя, когда прошелестела входная дверь – пришел Олег.

Он поздоровался, хлопнув их по очереди по плечу, устроился справа в кресле и начал выводить из своего киктопа распечатки каких-то записок, рисунков и карт. Минут через пять под конвоем Феликса появился Крутюнов. Он был мрачен, опасливо поглядывал на Андрея.

«Ну, все, надо браться за работу», – подумала Квира. Она спустила Анно на пол и перевернула чашку на блюде иглянула на получившийся узор. Он сулил ей легкую удачу.

«Ну и славно», – сказала она себе чуть слышно, встала и пошла к своему рабочему месту. Над ее креслом висела табличка: «Пост эпиго. Не подходить». Квира смахнула ее на пол, села и оглядела стол, в который была утоплена кювета с черной массой, до первого прикосновения напоминающая глину, а после – легкий слой пыли, рассыпанной по чему-то тонкому, но твердо-упругому, сверхрезиновому. Некоторые говорили, что так издали выглядит ребис средневековых алхимиков после стадии нигредо²⁶.

Эта кювета и была главным элементом всей массы оборудования, смонтированного в зале – и главным исключением. Как работают и что делают многочисленные компьютеры, сканеры пространственно-временного континуума и ин-

---

²⁶ Нигредо (*лат.* nigredo) – букв. «чернота», алхимический термин, обозначающий полное разложение либо первый этап создания философского камня – некоего реактива, необходимого для успешной трансмутации металлов в золото, а также для создания эликсира жизни.

верторы полей его силового корсета, хотя бы в общих чертах понимали даже сотрудники отдела эмоционально-психологической подготовки, а вот как устроен пралш (та самая кювета вместе с ее содержимым) и что на самом деле происходит в минуты, когда руки Квиры или другого эпиго погружены внутрь, не представлял себе никто. Только он, эпиго, мог сделать что-то фантастическое, чтобы инверторы включились, забрали на себя то или иное количество энергии, иногда равное недельным потребностям десяти тысячного городка, и то, что называлось переброской, удавалось... Или не мог. И она не удавалась...

Квира сняла перстни, опустила руки на черную пыль, испачкала в ней ладони, попробовала запустить пальцы вглубь. Ногти входили легко, подушечки пальцев проминали верхний слой, но вещество под руками пружинило, и все возвращалось в исходное состояние. «Врет кофе. Чудес не бывает», – сказала себе Квира, откинулась на спинку кресла и огляделась.

Собрались уже почти все, кому надо было присутствовать. Феликс и Олег настойчиво подталкивали покрасневшего Крутюнова к двери с надписью «Участники экспедиции». Андра Ушшос, руководитель отдела эмоционально-психологической подготовки, и несколько ее блондинистых помощниц с глазками хлоп-хлоп обступили Нормана. Саша Керцль, технический директор, полушепотом проверял, склонившись над своим киктопом, все ли техники за пе-

риметром зала на местах и вообще все ли нормально по его части. Андрей сидел на месте Олега и мечтательно смотрел на ноги Квиры. Мечты эти были, без сомнения, прекрасными.

– Готова? – отвлек Квиру Керцль.

– Думаю, да. – Квира снова опустила ладони в пыль пралша. – Да, готова!

Тогда Андрей щелкнул клавишей, включавшей громкую связь:

– Коллеги! Всем – внимание! Готовность через семь минут!

«Спокойно жить осталось семь минут», – подумала Квира, зал меж тем крутанулся по часовой стрелке и замер. Девушки Андры и Норман скрылись за дверью для участников экспедиции, а Керцль замолчал и перевел свой киктоп на режим «только прием».

– Начинаем! – негромко сказал Андрей и выставил небольшой рычажок справа от себя в положение, обозначенное иконкой со знаком бесконечности. На большом экране загорелась надпись «Экспедиция №2148. Точка отправки: 27.04.2246, Великий Новгород, Марфопосадская набережная, 248. Точка выброски: 15.05.1252, окрестности объекта „Бета“». Часы начали обратный отсчет, а на мониторах компьютеров на стойке засветились разнообразные графики и диаграммы.

Квира подняла руки к лицу, посмотрела, как сухая чер-

ная пыль стекает на запястья по линиям на ладонях, попыталась, как обычно делала, сосредоточиться на какой-нибудь картинке из того времени, куда ей надо было отослать коллег, опять положила руки на пралш и вдруг поняла, что ничего не получается. Да, у нее в голове было много образов из русской истории XIII века – страшного времени, когда из Великой степи чаще прежнего нужно было ждать разорения, пожаров, смерти и плена, а князь, которого, как рассказывали деда, когда-то давно позвали из-за моря именно для защиты страны от врагов, теперь даже и не постарается помочь. Это были картинки сожженных деревень, обугленных городских стен, детей, которых насилие раньше времени сделало взрослыми; картинки времени, когда население целого города легко превращалось в колонну рабов, бесчувственно бредущих за повозками победителей. И все это не было для нее почерпнутой из книг абстракцией: она очень хорошо знала, как это – идти в обозе монгольского карательного отряда из разоренной Твери²⁷, наблюдая, как невдалеке едут бок о бок союзники – московский боярин и сотник-ордынец.

Но пралш не реагировал.

Прошло пять минут, десять, двенадцать... Никаких изменений.

---

²⁷ Квира, судя по всему, имеет в виду тверское восстание 1327 года, подавленное войсками Золотой Орды, которые призвал московский князь Иван Калита. От этого разгрома Тверь, до тех пор крупнейший город в землях, которые признавали верховную власть великого князя Владимирского, никогда не сумела оправиться.

Квира беспомощно повернулась к Андрею, попыталась улыбнуться ему, но получилось только какая-то печальная гримаска: ну вот, а ты на меня рассчитывал.

Да, Андрей любил, чтобы его проектами занималась Квира. В ней, по его словам, была мощь и что-то от ведьмы. Те несколько месяцев, когда они были вместе, заставили его поверить, что чудеса – это ее профессия.

Сейчас гримаски Квиры Андрей не увидел, он по-прежнему рассматривал ее ноги. Она тоже опустила взгляд, обнаружила, что ее платье превратилась в какую-то скомканную на бедрах чушь, невольно усмехнулась, вскинула снова глаза на Андрея и...

...теперь поймала его улыбку – нечто такое, что даже у Чеширского Кота не всегда встретишь.

А дальше пошла чередой озарений. Квира поняла, что именно из-за похожего движения губ и сопровождавшей его искорки в глазах она и сказала Андрею «хорошо бы» в ответ на его «в кроватку». И сразу же пришло понимание, что же на самом деле помогает ей проводить переброску. Она поймала наконец-то внутри себя чувство, которое позволяет ей переломить сопротивление материи, пропустить пальцы вглубь пралша и запустить переброску. Это был тот самый переток эмоций, который до сих пор она лучше всего знала по моментам, когда после пятнадцатиминутного знакомства в баре дрейфовала от «да ну!» через барьер «ты уверена?» к «а почему бы и нет».

Она еще раз – на этот раз прямо и довольно долго – посмотрела на Андрея, подтянула коленку вверх к стойке, насладилась движением вверх бровей на лице Андрея и сказала себе: «А почему бы и нет!» И ее пальцы легко скользнули вниз, погрузившись во что-то теплое, покусывающее поры, напоминающее дорогуший крем. Графики на мониторах прыгнули вверх, на большом экране расплылась широкая панорама вневременного среднерусского мелколесья, Анно юркнула куда-то в самый дальний угол, а Андрей рывкнул:

– Техников!!!

– Техники! – как эхо повторил Керцль.

Техников не пускали в зал до установления контакта. Считалось, что их – точных людей с инженерным образованием – присутствие мешает эпиго сосредоточиться и «дать результат».

Теперь, когда они вошли, в зале сразу стало оченьлюдно. Бригадир техников, усевшийся рядом с Квирой, недоверчиво посмотрел на показания индикаторов, перезапустил тестирование нескольких параметров, а затем обернулся к Андрею:

– Очень удачно. Устойчивость контакта восемьдесят процентов, вероятность временной точности попадания – девяносто два.

– Спасибо, Квира, – откликнулся Андрей. – Ищем вешку. Квира пошевелила пальцами, зелень леса на большом

экране на пару секунд превратилась в смазанную акварель, но четкость изображения быстро восстановилась, и собравшимся в зале теперь казалось, что они летят на небольшой скорости над бесконечным лесным массивом.

– Есть вешка! – подал голос другой техник. – Надо сдвигаться. На восток до меандра ближайшей реки, а потом строго на север.

– Квира, двигаемся, – подтвердил Андрей. – Но пойдите, пожалуйста, пошире, давайте карту пятьсот на пятьсот сделаем, раз у нас сегодня все так хорошо.

– Смешанный лес, сосна, береза, осина. Кустарник определить не могу. Средняя высота деревьев шестьдесят метров. Деревня. Около двадцати дворов, – фиксировал голос из-за кадра. – Следы лесного пожара...

– Подсека, – поправил Андрей.

– Еще подсека. Озеро. Лес. Кусок пашни – примерно километр на три. Еще деревня. Двадцать дворов, не больше. Пустая. Часть горелая. Лес. Лес. Здесь больше березы и осины. Еще пустая деревня. Дворов пятьдесят... Было... Лес. Сосны почти нет.

Карта вокруг пульсирующей точки расширялась широкими мазками, на двух мониторах появилось конкретизация рельефа и описание биосферы.

– Озеро. Болота. Река. Пустая деревня. Еще. Еще деревня, но уже не пустая.

– Стоп, Квира, – это сказал уже Андрей. – Нормальная

карта получилась. Давай теперь к вешке, и будем бросать ребят.

Изображение на большом экране снова на четыре-пять секунд стало неразличимым в деталях. Потом движение замерло, и все как будто бы оказались в кабине антиграта²⁸ или вертолета, зависшего на высоте пятидесяти-шестидесяти метров перед лесной опушкой, почти вровень с верхушками самых высоких деревьев.

У бригадира техников замигала красная точка на мониторе.

– Устойчивость контакта снижается, – чувствовалось, что он изо всех сил удерживается, чтобы недовольно не покоситься на Квиру.

Андрей посмотрел и понял, что куража не хватает и что Квира очень устала. На платье сзади у нее проступили пятна пота, шея блестела, глаза явно слипались, она была очень бледна, а руки, погруженные в посветлевшее содержимое пралша, сильно дрожали.

– Пространственная точность попадания? – спросил Андрей.

– Пять-десять километров, но снижается по мере снижения устойчивости контакта, – недовольно ответил техник.

– Я знаю про снижение в этих условиях, – одернул его Андрей и посмотрел на подошедшего Олега. – Справитесь?

---

²⁸ Антиграт – летательный аппарат, использующий в качестве подъемной силы локально сконцентрированную гравитацию ближайших к Земле небесных тел.

– Справимся, думаю. – Олег развернулся и пошел к двери в комнату для участников экспедиции. – Места, как вижу, малолюдные, пугать некого, а мы люди крепкие, доберемся. Пошли, Фил, раздеваться.

Они скрылись буквально на пару минут за дверью, появились уже вчетвером, вместе с Кириным и Крутюновым, завернутые в простыни. Шурика, передвигающегося с трудом, вели под руки.

Керцль хохотнул вполголоса:

– Загрузили под завязку, видимо. Постарались наши девочки.

Четверка зашла в небольшой стеклянный отсек и начала устраиваться там в шезлонгах. Андрей сбегал к буфету, нацедил пятьдесят граммов виски, потом вернулся к Квире и с рук заставил ее выпить.

– Пять минут, – сказал он ей. – Пожалуйста.

Она оглянулась.

– Не беспокойся. Я смогу.

У Андрея на мониторе зажегся индикатор, показывающий, что за стеклянной стеной с ним могут говорить.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да, готовы, – откликнулся Олег. – Саша, перестань крутиться!

Крутюнов замер на боку и зажмурился, а Андрей отключил связь и скомандовал:

– Переброску начать!

Пока техники давали друг другу команды, дублировали и выполняли их, Андрей наполнил еще стакан виски – теперь до краев, вернулся к Квире, поставил его перед ней, а сам встал напротив стеклянной стены, отделяющей от него людей в шезлонгах.

Этот отсек постепенно заполнялся светом. Казалось, что ярче и ярче гореть начала каждая молекула воздуха. Андрей зажмурился, достал из кармана затемненные очки, надел их и снова открыл глаза. Людей в световом мареве за стеклом уже не было видно.

– Есть переброска, – доложил Керцль.

Квира выпростала руки, схватила стакан, расплескала чуть ли не с четверть, пока несла к губам, залпом выпила и еле набрала сил, чтобы поставить, а не уронить его на стойку. Потом положила рядом свои руки и опустила на них голову. Темная пыль, смешавшаяся на кистях ее рук с потом и превратившаяся в грязь, быстро высыхала. Вокруг ногтей проступило что-то ярко-красное, вещество в пралше, наоборот, теперь сияло чистой белизной.

– Альбедо²⁹, – пробормотал Андрей. – Альбедо на крови.

---

²⁹ Альбедо – второй этап создания философского камня алхимиком: исходное вещество приобретает сияющий белый цвет.

IV

Когда Феликс очнулся – первым из четверки, он увидел сидящую рядом лисицу. Правую ногу саднило, он попытался двинуть ей, чтобы пугануть рыжую, но не мог сдержаться от резкой боли – застонал.

Лиса отпрянула и в два прыжка скрылась в кустарнике. «Хорошо, что не волк. Или не медведь», – подумал Феликс и оглянулся по сторонам. Неподалеку лежали еще два голых мужских тела: Норман свернулся калачиком под большой березой, а Олег валялся, раскинувшись, чуть дальше, на солнцепеке, где начинался уклон к реке и лес становился совсем редким, распадался на отдельные деревья. Шурика видно не было.

Феликс дохромал до Олега, присел рядом и от души хлестнул его пару раз ладонью по щекам. Тот шевельнулся, но в себя не пришел. Метод возвращения сознания с помощью соломинки в носу тоже результата не дал. Тогда Феликс прошептал: «Извини меня, дружище» и начал дергать Олега за волосы на груди. Это уже сработало: Олег открыл глаза и резко сел.

– Почему тебя никогда никто не жрет? – с обидой сказал Феликс, показывая на муравьиную тропу, которая шла мимо ноги Олега, аккуратно ее огибая. – Вот, даже насекомые тебя сторонятся.

– Нельзя трогать бога, – ответил Олег и сразу же потянулся к Феликсовой ноге: – Покажи!

Феликс лег на бок, согнул в колене здоровую ногу, а поверх нее положил раненую.

– И кто ж это тебя так?

– Когда я очнулся, рядом лисица сидела. Или лис. Не разобрал.

– Лиса так разодрать не могла. Потом добычу нашего размера они в мертвом виде предпочитают, а ты все-таки еще не совсем падаль. – Олег поднялся на ноги. – Полежи пока. Пойду Шурика найду, надо тебя латать срочно.

Но Шурик нашелся сам. Весь поцарапанный, он вышел на голоса со стороны реки, из кустарника. Переступал тяжело, ноги расставлял почти на ширину плеч, при каждом шаге разворачивал корпус – влево-вправо, влево-вправо. Этими своими движениями и плаксивым лицом он очень напоминал андроидов первых моделей.

– А когда вы меня от этого избавите, – Шурик раздраженно махнул рукой на нижнюю часть своего тела. – Обещали же, что сразу после переброски.

– Это да, разгружаться надо. Фила нужно лечить, – кивнул головой Олег. – Ложись поудобнее.

– Ну, не здесь же! – Шурик прямо-таки зашелся от возмущения.

– А чего тебе здесь не нравится? – удивился Олег.

– Так народу-то сколько! – у Шурика даже задрожал под-

бородок. – Отойдем в сторону...

Он развернулся и заковылял обратно к кустам. Полусогнувшись, с одной рукой на поясице – картинка для букваря как иллюстрация к слову «страдание». Олег пошел следом, и через пару минут сквозь листву раздался длинный громкий стон, перешедший в серию жалобных всхлипываний.

Стайка воробьев на кусте рябины озадаченно замолчала, а Норман очнулся и настороженно прислушался.

– Это что такое?

– Груз достают, – с трудом проговорил Феликс. Ему быстро становилось хуже: уже ощутимо знобило, а когда он поднял руку, чтобы вытереть выступивший на лбу холодный пот, почувствовал, что сил опустить ее уже нет.

Норман кивнул, не понимая, впрочем, о чем речь: что это за груз такой? И оглянулся на шум веток. Из кустов как раз показался Олег, на ходу вытирающий пучком травы серо-голубой эластичный цилиндр с закругленными концами.

Он услал Нормана за лопухами, а когда тот вернулся, в земле уже была вырыта яма величиной с небольшой казан для плова. Поблизости на широком пне лежали несколько десятков небольших, герметично запаянных пакетиков с чем-то разноцветным внутри. Феликса устроили рядом. Он был пугающе бледен, часто и неглубоко дышал, руки у него сильно дрожали, а лицо время от времени судорожно дергалось.

Олег забрал у Нормана листья, застелил ими в несколь-

ко слоев яму, потом вскрыл два пакетика. Красные и белые капсулы из одного оказались на дне, а рубиновая гелеобразная масса из другого легла поверх.

Капсулы парили, шелкали, лопались, потом получающееся вещество начало кристаллизоваться. Запахло растертыми между пальцев можжевельновыми листьями. Олег, пока происходили эти метаморфозы, рассказывал Норману, где в других пакетиках лежат антисептики, где стимуляторы, а где препарат на самый крайний случай.

– Если тебе отрубят голову, то, конечно же, ничего не поделаешь, а в остальных случаях должно помочь. Надо это проглотить, – он потряс в руках пакетик с ярко-оранжевыми шариками, – и заказывать срочную эвакуацию.

Норман кое-что уточнил, а потом вопросительно посмотрел в сторону ямы. Над ее краями горкой поднялось что-то вроде блестящих белых кораллов, а трава вокруг покрылась инеем.

– И что теперь?

– Надо подождать, пока это все растает. Пойду пока посмотрю, что там с Шуриком, а то он уже застрадался... А ты здесь побудь. Кричи, если что, не стесняйся.

В кустарнике Шурика не было. Олег покрутил головой, что-то смекнул и двинулся через заросли вниз по склону. Несколько десятков шагов, кусты закончились, а за ними оказалась неширокая луговина. И сразу стало понятно, куда делся Шурик – примятая трава показывала. След начинал-

ся прямо у Олега под ногами, а заканчивался у другой полосы кустарника, которая тянулась вдоль берега реки шагов на пятьсот вправо и влево.

Олег вздохнул и пошел туда. Шурик нашелся на невысокой кочке перед копной прошлогодних камышей – плел из них косички. Он исподлобья глянул на Олега, закончил плетение и потянулся за новой порцией камыша.

– Ты, Саш, один пока не ходил бы в стороны, – сказал Олег. – Хорошо?

– Хорошо, – проворчал Шурик, не поднимая головы.

– Так заканчивай здесь и подходи к нам. Я сейчас Феликса обработаю, и надо будет на базу двигать.

– Хорошо, – опять буркнул Шурик.

Олег повернулся и пошел обратно к опушке леса. Там Норман дисциплинированно сидел рядом с Феликсом и спасал его от жучков, которых почему-то чрезвычайно сильно тянуло поползать по лежащему человеческому телу.

Яму, где раньше были белые кристаллы, теперь заполняла кристально чистая жидкость, по консистенции похожая на глицерин или растопленный конфитюр. Олег сложил ладони чашечкой (у него скорее получился небольшой тазик), зачерпнул ею и начал аккуратно растирать ногу Феликса. Кровяная пленка смылась, и на ноге четко обозначились две глубокие борозды.

«Когти? – подумал Олег. – Почему только пара?»

– Когти? – спросил Норман. – Чьи? Почему два следа?

– Не знаю, – сквозь стиснутые зубы проговорил Олег, взялся большими пальцами за края одной раны и резко растянул их в стороны. Брызнула кровь. Нормана, внимательно наблюдавшего за руками Олега, передернуло, и он отшатнулся. Олег промыл раны жидкостью из ямы, дождался, пока кровь вновь остановится, потом взял пакетик с изумрудного цвета гелем, надорвал уголок и начал аккуратно выдавливать содержимое по всей длине разрывов.

– На зеленку похоже, – заметил Норман.

Олег удивленно обернулся на него.

– Ты откуда это слово знаешь?

– История медицины, – ответил тот. – Я могу чем-нибудь помочь?

Олег опять наклонился к ране.

– По сути, это зеленка и есть. Только в модифицированной форме. Не только обеззараживает, но и форсирует регенерацию. А помочь, конечно, можешь. Я сейчас закончу – и поможешь...

– За Сашей сходить не надо? – Норману, видимо, очень хотелось быть полезным.

– Придет, не беспокойся. Сейчас в нем мрак растворится – и придет. Отдохни пока.

Но времени на победу силы света в душе Шурика ушло больше, чем Олег рассчитывал. Раны на ноге Феликса уже выглядели всего лишь как образчик экстремального шрамирования, температура вернулась в норму, и он спокойно

спал, а Шурик все не появлялся. У Олега к горлу подкатило раздражение. Обычно в экспедициях он был олимпийски спокоен, но не теперь нервы напряглись и из-за раны Феликса, и оттого, что неизвестно было, чего ждать от Шурика. Вполне возможно, Олег сорвался бы, если бы пришлось во второй раз отправиться на поиски навязанного Андреем вредного подопечного, но обошлось: Шурик появился на опушке.

На нем была великолепная набедренная повязка – те косячки, что он плел на берегу, были пущены в два слоя крест-накрест и теперь напоминали юбку самурайского доспеха.

«А хорошо придумал, ничего не скажешь. Хотя, конечно, мог бы и на всех сделать», – подумал Олег и начал будить Феликса.

Феликс проснулся быстро, встал и сделал несколько шагов. Потом объявил:

– Меня, наверное, нести придется...

Прозвучали эти слова то ли мечтательно, то ли печально. Мечтательным тон Феликса показался Олегу, а печальным – Норману. И он сразу вызвался тащить раненого.

Олег быстро собрал разноцветные пакетики, заровнял несколькими движениями ноги опустевшую яму с лопухами и зашагал вглубь леса. Норман с Феликсом на спине пошел следом, а Шурик пристроился замыкающим.

Феликсу, по-видимому, было весьма комфортно, и к нему возвратилась способность говорить без остановки:

– Вы представляете себе картину со стороны? Четыре голых мужика катают друг друга верхом по лесу. А если девки по грибы? Представляете, сколько визгу будет? А какие легенды потом народ сложит? Про упыря-кардилаку! Точно!

Потом начал инструктировать Нормана:

– Ты под ноги внимательно смотри. Не наступай сразу всей тяжестью. Пробуй, а потом наступай. И не обращай внимания, если у меня эрекция появится...

Последнее слово Феликса перешло в вой, так как его резко стряхнули со спины. Приземлился он как раз на больную ногу, упал и теперь перекатывался с боку на бок.

Олег чертыхнулся, моментально оказался рядом и сквозь зубы процедил:

– Фил, перестань. Договаривались же: как прошли кротовину³⁰, больше ты дурака не валяешь.

Феликс кивнул, получил обезболивающее, извинился и с помощью подошедшего Шурика снова был водружен на спину Нормана. Маленькая колонна опять пошла вперед.

Они слегка углубились в лес, потом Олег повернул, двигаясь так, чтобы промеж деревьев по правую руку были вид-

---

³⁰ Кротовина, кротовая нора или червоточина (wormhole, *англ.*) – топологическая особенность пространства-времени, представляющая собой своеобразный туннель в пространстве. Проходимые (traversable) внутримировые кротовины (intra-universe) дают возможность путешествий во времени, если один из ее входов помещается с помощью подмены координат пространственно-временного континуума в точку, где сила гравитационного поля максимально близка к значениям бесконечности.

ны следы опушки – небольшие лоскуты неба. Так они дошли до небольшого ручья, а потом по его руслу опять свернули в чашу. Еще полтысячи шагов – и появились комары с мошками. Феликс начал подергиваться, пытаясь отбиться от присаживавшихся ему на спину насекомых, а Норман отчаянно крутил головой. И только Шурику было проще: он сорвал несколько папоротниковых ветвей и отмахивался ими в обе руки.

Олег остановился, открыл цилиндр с препаратами, выудил оттуда нетронутый еще пакетик, раздавил в пальцах капсулу, подошел к каждому и поставил отметины – на лоб, плечи и бедра, а Феликсу – еще и в нижней части спины.

Полегчало. Комары и мошки отстали. Но появилась другая напасть: с каждым шагом вглубь леса солнечных лучей оставалось все меньше, подлесок поднялся в полтора человеческого роста, стало так сыро, что ноги чуть ли не заledenели.

– Зябко, – передернул плечами Шурик.

Хотелось идти быстрее. Но Олег, наоборот, сбавил темп. Теперь он двигался осторожно, постоянно останавливался, давая следом идущим сигнал замереть, прислушивался. А когда осиновый лес и подлесок вдруг резко закончились, открыв впереди сосновый бор, и все обрадовались, что опять пойдут под приятным майским солнцем, что будет тепло, он повернул назад.

– Напрямую не пойдём. Кто-то непонятный справа и чуть

впереди, – объяснил он коротко. – Скорее всего, лось, но, может быть, и медведь, – а потом буркнул себе под нос, вспомнив про раны Феликса: – Или еще кто-нибудь...

И они заложили большой круг. Норман наконец-то устал, и Феликса пересадили на Шурика. Понятно, сразу добавилось нытья: ну, что ты сидишь так неудобно; шею мне отпусти, задушил совсем; опять комары налетели, Олег, намажь меня; как не могут они меня кусать? Вижу, что полоска красная. Да какая мне, к черту, разница, что это значит? Как может репеллент работать, если они кусаются?

За недолгие пятнадцать минут Шурик настолько всем надоел, что после очередной его претензии («не болтай ногами, я тебе не лошадь») одновременно прозвучало и «Дайте я уже сам пойду», и «Норм, возьми, ради бога, его себе», и «Все, я уже отдохнул».

Впрочем, закончилось все смехом. Даже Шурик улыбнулся и еще с полчаса нес Феликса сам – молча.

Подлесок становился гуще, и временами Олегу приходилось расчищать тропу для их маленького отряда. Он обламывал ветки кустов, перекладывал упавшие деревья, что еще были крепкими, а трухлявые крошил небольшим бревнышком, как дубиной.

Так продолжалось, пока они не вышли на широкую каменную падь, уходящую на восток к междуречью Поли и Бужи. Ее Олег заметил еще тогда, когда Квира «делала карту»: эта падь вела как раз в ту сторону, где была база. Здесь Фе-

ликс, почувствовавший себя совсем хорошо, уже не сторяча вызвался идти сам, и колонна стала двигаться заметно быстрее.

Завечерело, быстро стало темнеть, но теперь, когда они нашли твердый ориентир, Олег был уверен, что у них получится добраться до нормального ночлега, и не надо, будто лешак, спать в лесу на деревьях. Он перестал нервничать и даже устроил для Нормана и Шурика что-то вроде экскурсии. То показывал им большую рысь, которая, еле различимая в сумерках, лежала на толстой ветке здоровенной липы. То учил их различать в общем шуме леса отдельные звуки: это листья шелестят, а это – уж шуршит.

А потом россыпь вывела их на широкую пустошь с серебристой от лунного света травой. Они остановились. За спиной еле-еле слышными остались уже привычное поскрипывание осин и шорох листвы на ветру. Норман почувствовал, что его отпустило неопределенное, нудное беспокойство – неизменный до сих пор спутник ночных прогулок по незнакомым лесам.

– Нам сюда? – обескуражено огляделся по сторонам Шурик.

– Почти, – усмехнулся Олег. – Нам туда.

Он показал рукой вперед и вверх. Там, на другой стороне пустоши, поверх косогора стояла темная стена деревьев, почти черная, четко выделяющаяся на фоне неба, не потерявшего еще синевы. Эти деревья тоже шумели, и тоже еле

слышно, но совсем по-другому. Это было звучание хорошего оркестра, в сравнении с которым шум леса, откуда они только что вышли, был слабенькой какофонией.

Перед ними была одна из довольно часто встречающихся в Мещере локальных возвышенностей, которые называют островами.

– Вы тут оставайтесь, я скоро вернусь, – сказал Олег и быстро скрылся в темноте.

Появился он примерно через полчаса, одетый во что-то домотканое, с ворохом такого же кустарного вида рубах и штанов. Феликс уже дремал, а Шурик испытующе смотрел на рискнувшего напиться из ручья Нормана.

– Безумно вкусно! – как о великом открытии сказал он Олегу.

Олег тоже зачерпнул пригоршней воду и вылил ее в рот, потом еще раз.

– Ага, вкусная! Давайте, облачайтесь. – Он двинул ногой одежду. – И полезем наверх. А то спать ужасно хочется.

Лес на «острове» оказался великолепной дубравой. Мощные деревья не жались друг к другу, росли широко, кустарника почти не было. Идти было приятно, не то что по мокрому осиннику. Толстый слой прошлогодней листвы под ногами приятно проминался и пружинил как толстый теплый ковер. Гудевшие от нескольких часов ходьбы по корням, кустам и камням ноги блаженствовали.

Минут через десять пути они остановились перед дубом

монументальнейших размеров. Норман обошел его кругом и объявил:

– Пятнадцать шагов!

Потом прикинул что-то в уме и еще раз восхитился:

– Так у него же метра три в диаметре!

– Три с половиной, – уточнил Олег. – Он второй в Европе по размеру и по возрасту.

– А самый большой какой? – спросил Норман.

– Стелмужский в Литве. Но тому около двух тысяч лет, а этому не больше тысячи.

– А где база-то? – голос Шурика был очень недовольным. Возраст дубов и дубоведение его не интересовало. По крайней мере, сейчас.

– Там база, – Олег хлопнул ладонью по стволу. – Сейчас войдем.

Он пошарил в складках коры, выудил оттуда веревку и в несколько движений скрылся наверху. Потом позвал Нормана.

Но поднявшись на дуб, Норман Олега не увидел. Здесь, на высоте четырех или пяти метров от земли среди титанических ветвей, расходящихся в стороны, было только порядочных размеров дупло, пахнущее давно залубеневшей древесиной, и гора старой засохшей коры вперемешку с отвердевшей замазкой. Норман наклонился и позвал почему-то шепотом:

– Олег, ты здесь?

Ответа не было.

– Олег! – Норман крикнул.

– Здесь я, здесь, – послышался голос снизу, и в глубине мелькнул свет. – Лезь ко мне.

И Норман полез. Спускаться оказалось несложно: ноги сразу же нащупали вырубленные в стенке дупла ступеньки, и ушла полминуты, не больше, чтобы оказаться в небольшой землянке, освещенной двумя лампами из кованого железа. Олег стоял спиной и длинной палкой выковыривал мох из дырки в сводчатом потолке.

От основного помещения, обшитого хорошо оструганными и даже ошкуренными досками, в стороны отходило несколько ниш. В одной лежало оружие. Норман вытащил лук, потом подошел поближе к лампе, внимательно рассмотрел его плечи, пощупал тетиву...

– Интересная конструкция. Это что за композит³¹?

– Да, хорошая конструкция, – согласился Олег. – Внешне это обычный лук новгородского пешего воина, но здесь много роговых и мегапластовых вставок. Так что он намного лучше... Но ты, Норм, положи-ка пока его и займись вот этими дырками. А я пойду остальных запущу.

– А зачем эти дырки? – спросил Норман.

– Вентиляция, – ответил Олег и полез наверх.

Через несколько минут внутри появился постанывающий,

---

³¹ Композитный лук изготавливается не из цельного куска древесины, а из нескольких частей.

скорее, правда, для проформы, Феликс. Он деловито покопался в одной из ниш, достал несколько меховых одеял, удобно устроился на лежанке в дальнем углу и начал развлекать Нормана небылицами о том, что местные жители должны думать про этот дуб. Он как раз закончил про традицию приводить сюда в середине февраля молодых девушек, чтобы демоны учили их правильно исполнять супружеский долг, и хотел начать про то, как надо вызывать богатыря Гаврилу для защиты от басурман, когда сверху один за другим спустились Шурик и Олег.

Шурик осмотрелся, понял, откуда Феликс взял одеяла, и тоже стал устраиваться на ночь на лежанке напротив Феликса.

– Видишь, Норман, хорошие места уже разобрали, – посмотрел на него Олег. – Нам с тобой придется в норы лезть.

Норами оказались две самые большие ниши. Норман взял себе одеяла и заполз в одну из них. Прямо за деревянной обшивкой угадывалась земля – оттуда тянуло холодком, и сначала ему показалось, что он здесь ни за что не уснет. Но потом тело под мехом согрелось, и он провалился в дремоту.

Шурик довольно долго ворочался. Ему хотелось встать, подойти к посапывающему Олегу и поменяться с ним местами. Но потом он вспомнил про груз. Не про груз даже, черт с ним, с грузом, всем время от времени приходится, а про то, как его собирались доставать. И передумал.

V

Проснулся он под негромкий разговор. Олега не было, Норман сидел по-турецки посреди землянки и чистил оклад средних размеров иконы, а Феликс на правах раненого бездельничал на лежанке, ловил уже отполированным мечом попадающие внутрь через лаз лучи, пускал по углам солнечных зайчиков и авторитетно излагал:

– Так! Про то, как грузы переправляются, я тебе рассказал. В принципе наркокурьерский, конечно, способ, но ничего лучше никто не изобрел: неживая субстанция должна быть укрыта внутри живой. Про то, почему нас без одежды перебрасывают, – та же история. Вся ткань выгорает напрочь за доли секунды. Ожоги – страшные. Что у нас осталось? А, про базы!

Базы бывали постоянно действующие и спящие. В постоянных всегда была группа дежурных, которая обслуживала трансвременной маячок. Эпиго, который вел переброску, в этом случае нужно было только настроиться на волну между инвертором в будущем и маячком в прошлом, расширить кротовину и держать ее открытой. Это умели делать все, кто хоть чуть-чуть учился. Усилий тоже больших не нужно – в таких случаях эпиго работал обычный шестичасовой рабочий день и не очень-то уставал. Так отправляли туристов и научные экспедиции по наиболее востребованным марш-

рутам.

– А есть базы спящие, типа этой, – Феликс очертил вокруг себя круг. – Здесь дежурных нет, маячки включенными никто не держит. Поэтому, чтобы отправить людей сюда, эпиго должен... – Феликс замолчал, сделал вид, будто прислушивается, но на самом деле ему нужна была пауза, чтобы подобрать подходящие слова для рассказа, что же именно делает эпиго. Но они не нашлись, и он продолжил: – Я тебе даже не могу сказать, что он должен сделать... Это шаманство какое-то! Но, как видишь, работающее шаманство.

Спящие базы годами стоят без присмотра, поэтому оборудовать их можно было только в очень уединенных местах, например в больших лесах или где-нибудь в горах. В пещерах, например. В Европе их устраивают еще в отдаленных замках: внушат какому-нибудь баронскому семейству, что в подвале одной из башен есть артефакты, которые должны лежать недвижимо до Страшного суда, например, или другой столь же нереальной напасти. А если какой-нибудь отпрыск решит по молодости проверить, какие такие реликвии-меликвии там все-таки есть, то к обратной стороне двери приделана банка с химикатом, который при соединении с воздухом производит... – тут Феликс неопределенно, но энергично помахал в воздухе руками. – Если дверь открыть, то, во-первых, дымовая завеса появляется, а во-вторых – голограмма командос небесного воинства. Молокососа так напугают, и больше он сам туда лазить не будет, и де-

ти его, скорее всего, тоже.

– Это так разные легенды появляются? – поднял глаза от начинающего блестеть оклада Норман.

– Одной легендой больше, одной меньше – после потери девственности уже все равно, – Феликс гоготнул. – Но ты меня не сбивай! Про что я говорил? А, про замки! Так вот, в нашей средней полосе замков нет, каких-то других каменных строений, кроме нескольких монастырей, тоже. Города, сам знаешь, здесь не города, а так – княжеские резиденции с крепостцами, за исключением Новгорода с Псковом да Киева до поры до времени. Людей мало, горит все это очень часто... Население бежит... Какая тут тебе база...

Поэтому здесь для нас подходят только леса. Но нужны вневременные точки вроде этого дуба. Чтобы время шло, а он стоял себе и стоял. Беда только в том, что в чашу нас не закинешь – слишком много живой материи у поверхности земли, поэтому приходится мириться с прогулками вроде вчерашней. Идеальный вариант, конечно, на ближайшую лужайку нас высадить, но когда глубина переброски – тринадцатый век, то даже у таких эпиго, как Квира, на это сил не остается. Вот если бы наш начальник-перфе... Перци... Если бы Андрей не захотел карту окрестностей сделать, то, может быть, она нас на падь или на пустошь перед этим «островом» и отправила.

– А много баз вообще? – спросил Норман, воспользовавшись тем, что Феликс опять замолчал. На это раз он действи-

тельно прислушивался.

– На все русское Средневековье у нас их только четыре – в этой дубраве, похожее место в Карпатах и в Крыму, в горах. Ну и в Новгороде есть постоянная. Там базу создавать можно безопасно: большой город, много людей, к чужакам все нормально относятся, голову пытаться рубить по пустякам никто не будет. Понятно тебе про базы?

– Понятно, – кивнул Норман и показал Феликсу икону: – Нормально?

– Нормально! – оценил тот. – Все, давай наружу выберемся – тепло уже совсем, думаю, да и Олег с едой должен появиться.

Тут Шурик не смог больше притворяться спящим и громко сглотнул слюну.

– А! Не спишь! – повернулся к нему Феликс.

– Вы орете так, что анабиозного поднимете, – проворчал Шурик, усаживаясь на своей лежанке.

– Неча спать. Надо наверх выбираться, делом заниматься, моей раной заниматься. Вон, Норм уже поработал. Теперь тебе надо, – объявил Феликс и показал на стоящие посередине землянки туески с красным георгиевским крестом и изображением архангела Рафаила-целителя.

Между собой хрономенталисты, отправляющиеся в Средневековье, называли их «медтуесками». В них Олег переложил поутру все медикаменты. Всего их было восемь – для каждого участника экспедиции и еще запасные. Шурик взял

один из них и пошел к лестнице. Норман отправился было следом, но вернулся к нише с оружием и стал по очереди рассматривать луки.

– Можно взять? – спросил он, выбрав наконец один – внушительных размеров экземпляр, доходивший ему до подбородка.

– Даже нужно, – ответил Феликс. Сам он в дополнение к мечу тоже прихватил лук, и они полезли наверх.

– А как дерево живет с такой дырой внутри? – спросил Норман, выбравшись из лаза.

– У дуба древесина в центре ствола мертвеет со временем, а потом начинает гнить, так что ему этот тоннель даже на пользу идет. Потом, каждые пять лет мы сюда биологов отправляем, они его чистят, инъекции в корни делают, чтобы дерево от землянки не страдало, еще какую-то хрень... – рассказал Феликс, а потом заорал: – Олег! Я есть хочу!

Этот вопль встревожил ворон, которые сидели ближе к верхушке и с интересом рассматривали людей. Они закаркали недовольно и перебрались на соседние дубы. Одна осталась, потом уронила плюху, обрызгав ногу Шурику, молча снялась с места и полетела по направлению к солнцу.

– Вот гадская птица, – брезгливо поморщился он, pokrutil головой – нет ли чего-нибудь обтереть ступню, не нашел ничего подходящего и полез вниз, упираясь ногами в расщелины в коре дуба.

– А умный герой! – Феликс поднял палец. – Сначала

осмотрится как следует и подумает о путях своих предшественников. Именно так отсеиваются бесталанные путешественники и формируется когорта великих путешественников!

Они осмотрелись – вверху обнаружилась веревочная лестница. Ее нижний конец был заброшен вверх с земли на стреле.

– Это Олег ее туда?

– Ты абсолютно прав, друг мой, – сказано это было тоном учителя, который очень доволен успехами своего подопечного. – Не оставлять же ее внизу уходя. А вдруг крестьянская девушка ее увидит, проходя мимо? И полезет наверх... А групповой секс еще не в обычаях, запомни!

Норман усмехнулся.

Когда они спустились вниз, Шурик был примерно в двух метрах от земли. Шея у него была красная, на рубахе между лопаток темнело большое влажное пятно.

– Ну, ты крут! Я бы ни за что не смог так, – сказал Феликс.

Шурик с трудом повернул голову, покраснел еще больше, а когда оказался на земле, спросил недовольно:

– А мне нельзя было сказать, как быстрее спуститься, чтобы я не лазил?

– Так ты уже наполовину внизу был, когда мы лестницу нашли, – уберег Феликс Нормана от неправильного ответа. – И ты так лихо спускался. Я был уверен, что ты быстрее нас внизу будешь.

– Да я б и спустился быстрее, – оттаял Шурик. – Но, ви-

дишь, там... – он показал на массивный нарост на боку дуба. – Ногами встать было некуда. Пришлось на одних руках – вбок, вбок!

Потом он еще долго рассказывал, куда и когда он ставил ноги и за какие щелочки держался руками, причем с такой экспрессией, как будто этот спуск был главным делом в его жизни. Феликс терпеливо дослушал, а потом со словами «пойдемте, Шура, на процедуры» взял его под руку и повел на пустошь к ручью.

Норман дождался, пока они скроются из виду, и занялся луком. Сначала тетива не хотела натягиваться, и он уже собрался вернуться в землянку, чтобы выбрать экземпляр поменьше, но потом решил попробовать в последний раз, поднатужился так, что даже на шее мышцы заболели, и она все-таки легла на место.

Потом Норман попробовал ее на звук, и он ему понравился. Гудела эта тетива как-то особенно – в ее звучании было что-то от бас-гитары Стива Харриса и воя волка. И еще ее звук удивительно долго держался в воздухе.

Норман еще раз натянул и отпустил тетиву, потом оглянулся по сторонам в поисках мишени. На другой стороне лужайки стоял дуб, который выглядел как центиман, погруженный по пояс в землю – тонкая талия, великолепный бугорчато-мышечный торс и сотня мощных рук, поднятых вверх. Норман сорвал несколько папоротниковых листьев, приладил их на коре и начал перебирать стрелы в колчане.

Он успел выпустить их все по три раза, каждый раз увеличивая дистанцию на десять шагов, пока не вернулся Олег. Он остановился рядом с Норманом, опершись на свой лук, и удивленно спросил:

– Семьдесят?

– Да, – ответил Норман. – Стрелы все-таки специфические, привыкать надо.

Олег недоверчиво посмотрел на руки Нормана, а тот рассмеялся:

– Олег, тебе должны были сказать. Я олимпийский чемпион по современному пятиборью. А из лука я стреляю с пяти лет.

– Мне сказали только, что ты очень хорошо подготовлен для полевой работы. Это точная цитата. Больше ничего, – ответил Олег и после небольшой паузы добавил: – Но я рад...

Норман вынул из колчана три стрелы, подвесил их между пальцев, отвернулся от Олега и сказал:

– Скомандуй мне «Пли!». Неожиданно.

Олег помолчал, поковырял носком сапога остатки прошлогоднего листопада, нагнулся, поднял дубовый листочек, опавший еще полуростком, посмотрел на просвет, выронил, дал ему упасть на землю, а потом еле слышно сказал:

– Пли...

Что сделал Норман? Он повернул голову и посмотрел на мишень – сквозь прищур, как будто что-то просчитывая в уме. Олегу в этот момент в голову пришла мысль, что имен-

но так должны были смотреть на цель Вильгельм Телль³², Ак Сирали Мустафа³³ и Уот Карлайл³⁴. Затем поднял лук, одновременно натягивая тетиву, потратил не больше секунды на то, чтобы прицелиться, и выстрелил. А потом удивил Олега еще больше, потому что, не опуская оружия, не меняя прицел, пустил одну за другой и две оставшиеся стрелы. Причем все было сделано так быстро, что первая стрела, вполне вероятно, еще не воткнулась в мишень, когда третья оторвалась от тетивы.

Олег дошел до дуба, покачал головой, оценив силу, с которой были пущены стрелы, и крикнул Норману:

– Зря я один пошел охотиться! Надо было тебя взять. Но немножко зайцев я все-таки настрелял.

Зайцев было девять. Теперь уже Норман уважительно посмотрел на Олега.

---

³² Вильгельм Телль – по легенде, швейцарский крестьянин, исключительно меткий лучник, которого имперский наместник, за невыполнение приказа, заставил стрелять в яблоко, лежащее на голове сына Телля. Жил в конце XIII – начале XIV века. Ученые спорят, был ли Вильгельм Телль реальным историческим персонажем или его история – героическая легенда периода борьбы швейцарских кантонов за независимость от австрийского герцога и Священной Римской империи.

³³ Имя Ак Сирали Мустафы, согласно свидетельству британца Роберта Эйнсли (1797), было выбито на одной из мраморных колонн, стоящих на Ок Майдан, или Площади Стрел, в пригороде Стамбула. Судя по этой надписи, Ак Сирали Мустафа попал в цель на расстоянии 571,5 м. Это лучший из зафиксированных результатов.

³⁴ Уот Карлайл – знаменитый лучник времен короля Англии Эдуарда III (1312—1370). Упоминается в романе Артура Конан Дойла «Сэр Найджел Лоринг».

– Весна, – пожал плечами тот. – Заяц сейчас неосторожный после зимней голодухи. Сидели толпой на поляне и жрали траву.

Через несколько минут в сопровождении Шурика вернулся Феликс – как будто на запах добытой дичи. Он уже не хромал и сразу до отказа заполнил пространство своим голосом:

– Я в порядке! А Шура все очень хорошо делает! Я всегда говорил, что из парня хороший полевик получится! Зайчики? Зайчики – это хорошо! Опять только мужиков отстреливал?! Да-да, знаю я, окот у них в мае. В смысле, у зайцев, а не у мужиков. Самочек мы бережем! Мы правильные! Мы боимся найти в брюшке маленьких неродившихся зайчат! Ну да, ты же у нас почти гринпизд! Кушал бы травку! Кстати! А я читал, что у дубов листья не опадают, а разрушаются, когда еще висят на ветках. А здесь такая подушка толстая – сантиметров десять до земли. А вообще в мае рано переброски устраивать. Холодно! Мыться плохо...

– Кстати! – остановил Олег это словоизвержение. – Стоит искупаться. Фил, ты уже здоров, поэтому оставайся, свежуй и потроши зайцев и начинай готовить обед. А я мужиков отведу на озеро.

Под дружелюбным полуденным солнцем идти по дубраве было еще приятнее, чем накануне. Шурик снял сапоги и теперь шагал босиком.

– А ты почему оружие не взял? – спросил его Олег, когда они отошли подальше. – У Нормана – лук, у меня – целая

оружейня, а ты идешь и голыми руками машешь.

– Я у тебя попрошу, – Шурик решил отшутиться.

– А если у меня не лишнее?

– Как не лишнее? – хорошее настроение не покидало Шурика. – У тебя лук – одна штука, меч – два штука, кинжал – четыре штука. Наверняка, что-то лишнее будет. Ты же не сможешь одновременно и целиться и мечом махать.

– А это всегда так. У английского лучника был короткий меч для самообороны, у мушкетеров – шпаги, у стрельцов – сабли, – гнул свое Олег. – И ты не строй из себя дурачка! Ты принимай к сведению и ошибок не повторяй. После переброски мы должны постоянно быть вооружены.

– А чего ты мне не напомнил?! – это уже было сказано ворчливо.

– И не ершись, – сказал Олег. – А самому подумать? Или даже курс для стажеров не читал?

Шурик молча сделал несколько шагов и остановился.

– Что-то я расхотел купаться. Рано это, наверное, для мая. Я пойду лучше Феликсу помогу.

Повернулся и пошел назад, вороша ногами листву. Олег скрипнул зубами и стал вспоминать Андрея. И если бы его пожелания сбылись, то директору Центра прикладной хрономенталистики предстояли бы несколько лет исключительно напряженной жизни с множеством проблем.

– Он обиделся. – У Нормана был обескураженный вид.

Олег пожал плечами.

– Я не думаю, что он обиделся. Он просто догадался, что ему сейчас придется топтать за оружием в землянку, а потом возвращаться к нам. И придумал, как бы ему только в одну сторону сходить. Это каприз, а не обида.

– Ну, не знаю, – произнес Норман. – Мне кажется, что с ним как-то дружелюбнее надо обходиться.

– Ты еще и педагог? – усмехнулся Олег. – Поверь мне, Саша Крутюнов, или как его еще называют, Зловредный дедушкин прыщ, ЗПД – один из самых эгоистичных людей, каких только можно себе вообразить. А психика у него тверда, как лоб носорога. Я бы с ним возиться не стал бы вообще, да Андрей его деду пообещал приглядывать за мальчиком.

Норман спросил, что это за история, и Олег подобно рассказал, как Шуриков дед – тоже Александр Джозефович – взял с Андрея, тогда еще ходившего в дублерах старших проводников³⁵, страшную клятву, что когда тот «станет главным», обязательно возьмет внука на работу. «Чувствую, что иначе не смогу вывести тебя, – говорил Крутюнов-дед. – Должен ты под чем-то кровью расписаться, чтобы все срослось». А дело было в Новгороде, который со всех сторон обложили опричники Ивана IV³⁶, явно собиравшиеся устроить

---

³⁵ Проводники – так в Центре прикладной хрономенталистики между своими называют сотрудников, которые в смешанных экспедициях обеспечивают безопасность научных работников. Проводники могут вести самостоятельные исследования.

³⁶ Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) – великий князь Московский и всея Руси (с 1533), первый царь всея Руси (с 1547). Один из самых жестоких

что-то чрезвычайно жестокое и мерзкое³⁷. Поэтому рисковать Андрею не хотелось, и он согласился, усмехнувшись, впрочем, про себя насчет того, что когда-то станет «главным».

И они выбрались. Правда, для этого пришлось прибиться к опричникам и потом девять месяцев прожить среди них в Александровской слободе³⁸. А когда они вернулись, то Крутюнов-дед привел Андрея к тогдашнему директору центра Виктору Бубнову и сказал: «Смотри, великий проводник будет!»

правителей Средневековья, проводил политику массового физического уничтожения представителей всех общественных сил, потенциально способных противостоять царской власти. Присоединил относительно слабые Казанское и Астраханское ханства, но не мог противостоять набегам татар из Крыма. Конец его жизни ознаменовался военными и дипломатическими поражениями от Польско-Литовского государства и Швеции. Внутренняя террористическая политика времен Грозного во многом предопределила быстроту разрушения общественных институтов в Смутное время (гражданская война в России, 1598—1613), которая поставила государство на грань краха.

³⁷ Карательная экспедиция Ивана Грозного против Новгорода (1569—1579), вызванная ложным доносом о намерении города перейти под власть польского короля, закончилась массовыми казнями, погибло до 15 000 человек – половина населения города. В плане работ Центра прикладной хроменталистики стоит экспедиция с целью точных подсчетов, но она постоянно откладывается, так как ее потенциальные участники отказываются принимать роль опричников Грозного, для мирных жителей риск слишком высок, страховые компании отказываются его покрывать.

³⁸ Царская резиденция в Александровской слободе стала фактической столицей государства в 1565 году после учреждения Иваном IV Грозным опричнины и начала массового террора.

– А что это значит великий проводник? – спросил Норман.

– У Андрея развилась изумительная интуиция. Мы ведь, когда работаем в прошлом, просчитываем варианты: куда идти, чтобы риск для жизни был минимальным, во что можно ввязываться, чтобы быть, как говорится, в гуще событий и собрать максимум информации, а во что – ни в коем случае. Долго думаем, сомневаемся, подключаемся к компьютеру центра в некоторых случаях, когда вариантов слишком много, или эпиго просим помочь, чтобы он осмотрел окрестности. А у Андрея все не так. Он две минуты помолчит, а потом говорит: надо делать так и вот так. И ни разу не ошибся.

– Дед нашего Шурика считал, – продолжал Олег, – что при дворе Грозного Андрей научился, как никто другой, растворяться в обстоятельствах, мимикрировать, подстраиваться, и от этого у него и развилась такая способность. Ведь там пришлось участвовать в таких вещах, которые я, например, честно говорю, не перенес бы. А у него получилось.

– Например?

– Например, лишать девственности молодых послушниц из окрестных женских монастырей раскаленными угольками. Или...

– Не надо, – остановил его Норман.

– Да, лучше без подробностей. Захочешь если, посмотри мемограмму³⁹ Андрея оттуда, – кивнул Олег. – К тому же мы

---

³⁹ Мемографирование – точная копирование в память хрономенталиста то-

пришли.

Они стояли на краю «острова», внизу было начало каменной пади, которая вывела их к базе вчера. Здесь камни завалили пятьсот или шестьсот лет назад, наверное, а может, и раньше, довольно мощный источник. Камней было много, но источник хотел жить, и им удалось научиться сосуществованию. И теперь на террасе получилось что-то вроде гигантской каменной лохани, наполненной чистой водой.

– Айрунг! Настоящий бассейн! – воскликнул Норман.

Олег спустился с откоса, осторожно переступая с камня на камень, уселся на берегу на большой, почти плоский сверху валун, стянул сапоги и погрузил ноги в воду. Потом обернулся на Нормана, стоящего наверху теперь в обнимку с дубом-подростком, и крикнул:

– Спускайся давай!

Тот кивнул и в несколько прыжков оказался рядом с Олегом. Следом за ним скатилась и пара небольших камней, которые он мимоходом сдернул с места. Один камень плюхнулся в воду, второй остановился на валуне около Олега. Норман взял камень в руки, метнул на манер ядра, довольно улыбнулся, оценив результат, снял сапоги, уселся рядом с Олегом, также опустив ноги в воду. На секунду. В следу-

---

го, что ему приходится наблюдать в прошлом, и сопутствующей информации: чувств, эмоций, возникающих попутно мыслей. Мемограмма – запись всего этого в те или иные хранилища данных. Мемографирование появилось в арсенале хрономенталистики в 2187 году, на сорок лет позже трансвременных перебросок, и быстро стало одним из ключевых методов исторических исследований.

ющее мгновение он уже сидел на корточках и изо всех сил растирал лодыжки.

– И ты полезешь в такую воду?

Олег не ответил. Он встал, потянулся, сложил рядом оружие, не торопясь стянул с себя рубаху и штаны, опять уселся на прежнее место и как-то в момент скользнул в воду – тихо, даже кругов вокруг себя почти не пустил. Норман не успел заметить, как это произошло. Вроде сидел человек на камне, а теперь раз – и нет его.

Вынырнул Олег почти на самой середине озерца. Потом ушел вертикально под воду, проверяя глубину, снова вынырнул и не спеша на спине поплыл обратно. Выбрался на камень и распластался, согреваясь. Затем прищурился на Нормана, у которого в глазах была смесь восхищения и страха:

– Я тебе тоже советую искупаться.

Норман замотал головой и опасливо отодвинулся.

– Давай-давай! Почувствуешь себя способным летать.

И добавил еще несколько фраз, состоящих в основном из междометий и идиом, но, может быть, оттого и особенно эффектных: описал, какое наслаждение дух и тело получают, если окунуться.

В конце концов Норман сдался, начал раздеваться. Медленно, оттягивая миг погружения в холодную воду, миг, предощущение которого уже рассыпалось по коже мурашками. Потом бросил на кучу одежды лук, зачем-то опять попавший ему в руки, и со всего маху нырнул. А когда выныр-

нул, дремотный мешерский лес услышал такой рев, которого в этих краях, наверняка, не слыхивали и, скорее всего, никогда и не услышат. Так должен бы завопить йети, когда впервые понял, что мир несовершенен.

VI

Когда они, наплававшись, вернулись в лагерь, был без пяти минут обед. Над россыпью из углей, лежавших в яме изпод дерна, на вертелах пускали жир заячьих тушек, в стороне Феликс возился с бочонком литров в тридцать, и его довольный вид говорил, что он содержимое бочонка пробовал и содержимое это вполне достойного качества.

– Готово? – подошел к нему Олег. – Дай! А Шурик где?

– Внутри он, – ответил Феликс. – Я ему сказал амуницию подбирать.

Феликс собрал из мегапластовых колец, штырьков и пружин, замаскированных под бронзу, да куска кожи, сшитого в виде наперстка великаньих размеров стакан, наполнил его и протянул Олегу. Тот выпил и выдохнул довольно.

– Хорошее пиво, – усмехнулся. – Очень хочу посмотреть, что ЗПД себе там сейчас подберет.

Ждать пришлось недолго. Скоро наверху между веток дуба показался Шурик с большим мешком. Затем опять скрылся внутри и появился вновь опять не с пустыми руками. Всего мешков оказалось пять. Олег хмыкнул, снова наполнил свой стакан и отошел, прихватив еще один для Нормана, который с видом знатока крутил вертела. Феликс пошел к дереву – помочь Шурику спустить мешки вниз.

– Вы только сейчас ничего не разбирайте, – крикнул Олег

ему в спину. – Давайте сначала пообедаем! Есть хочется!

Обед проходил в молчании: если у зайцев и были какие-нибудь недостатки, то пиво заставило о них забыть. И только когда Олег с выражением крайней печали на лице повалил опустевший бочонок на бок и катнул его мыском сапога в сторону, Шурик подал голос:

– Суп еще, конечно, надо было сделать.

– Ну, други, – оставил это замечание без комментариев Олег, – раз пива нет больше, сейчас проведем сеанс связи с Андреем и обсудим наши планы.

Коммуникационным устройством оказалась та самая икона, оклад которой с утра чистил Норман. Теперь он посмотрел на нее совсем без удовольствия, подхватил лук и ушел подальше. Шурик при упоминании Андрея сделал вид, что у него есть какие-то срочные дела в землянке.

– Норман чистил?.. – спросил Олег, доставая из обшитого кожей деревянного короба, служившего для перевозки иконы-коммуникатора, куски янтаря.

Феликс кивнул.

– Отличный парень! Хорошо, что хоть иногда с сопровождением везет!

– Не перехвали ты его, – Феликс поморщился. – Может, он к тебе в доверие просто втирается?

– А чего ему ко мне втираться, – не согласился Олег. – Он представитель заказчика, я ему не начальник. К тому же...

Фраза требовала завершения, но Олег замолчал. Он злил-

ся. Один из кусочков янтаря, которые надо было закрепить в углублениях на бортике оклада, никак не хотел вставать на место.

– А в матчабжении Андрей еще порядок и не начал наводить, – Феликс взял другой камушек и брезгливо повертел его в руках. – Аккумуляторы – двадцатилетней давности.

Олег что-то буркнул и нажал посильнее на упрямый янтарь. Раздался звучный щелчок, и камушек наконец-то оказался в предназначенной для него нише. Сразу же загорелся один из двух красных самоцветов, которые были закреплены в верхних углах оклада.

– Ладно, не буду тебе мешать. Сам общайся. – Феликс встал и, прихватив меч, скрылся за дубом, откуда доносился сначала негромкий свист, а потом глухое «ф-фтук» наконецника стрелы, входящего в толстую кору.

Через несколько секунд эти звуки сменились ударами стали о сталь. И зазвучал говорок Феликса – в его менторской вариации. Олег пробовал прислушаться, но целиком фразы разобрать не удавалось, только отдельные «ты, вот»; «не, не так»; «я же тебе»; «ну что ты за»...

Он покачал головой и взял икону в руки. Второй самоцвет тоже загорелся красным, у Олега на виске сильно задергалась жилка, в тени под дубом появился Андрей, сидящий за столом в своем кабинете.

– Ну, наконец-то. Соизволили объявиться, – сказал он вместо приветствия.

– У меня еще часа три. Я мог бы даже поспать после обеда, – в тон ему ответил Олег.

– Где остальные?

– Шурик, скорее всего, дрыхнет. Феликс с Норманом фехтуют.

– Обросли? – Андрей показал, что он имеет в виду, потеревав свой подбородок.

– Да, – кивнул Олег. – Все уже знатные бородачи. Хороший стимулятор. А аккумуляторы новые сюда так и не доставили.

– Да? – удивился Андрей и сделал пометку в киктопе. – Когда трогаться будете?

– Завтра с утра. Обсудили же мы с тобой уже все перед отправкой. Что занудствуешь?

– Насколько я понимаю... – Андрей не заметил последних слов Олега так же, как Олег несколько минут назад реплику Шурика про суп, – насколько я понимаю, ты собираешься встретить князя Андрея у Владимира. Так?

– Да, так. Если казна будет с ним, то мы с Норманом идем с его войском, а Феликс и Шурик страхуют нас со стороны. Если нет, то Феликс будет сопровождать Нормана, а мы с Шуриком займемся поисками. Я же тебе говорил!

– Это-то ты мне говорил. Но мне сон плохой приснился. Так вот...

Когда Феликс с Норманом вернулись к кострищу, разговор уже закончился, озабоченный Олег рассматривал им-

провизированную карту, на которой кожаные стаканы обозначали Коломну, Рязань, Муром и Владимир, а цепочки щепок – реки. На берегах Оки были во множестве раскиданы объединенные кости.

– Монголы, оказывается, близко очень, – Олег показал на кости. – Ни в Муром, ни в Рязань за хорошими лошадьми нам уже не пройти. Так что придется их или в деревнях на Буже искать, или уже около Владимира. Но последний вариант мне совсем не нравится – донесут сразу князю про безлошадных чужаков с оружием.

– Стоп! – поднял ладонь Феликс. – Как эту карту мог получить Андрей? Всем нашим эпиго неделю надо, чтобы такую территорию отсканировать. Да и то, если только этим заниматься!

– Не, это, по его словам, одна Квира сделала.

– Как это? – Феликс даже сел.

– В ней развились способности иного порядка, – ответил Олег. – Андрей говорит, что теперь она может дотянуться до восьмого века, израильтяне предложили ей десятилетний контракт на какую-то адскую сумму, и у нее больше не идет кровь из-под ногтей после переброски.

– До восьмого... – Феликс был ошарашен.

– Да, до восьмого, – подтвердил Олег. – И кровь не идет. Но в любом случае давайте торопиться. Норм, позови Сашу, пожалуйста.

Но лезть за Шуриком не пришлось. Он сам спустился.

На правой щеке у него был отпечаток широких, крест-накрест волокон.

«И правда, спал, скотинка», – подумал Олег. Потом закрыл глаза и заставил себя стать образцом толерантности. Феликс между тем вывалил на землю содержимое мешков с амуницией, и сразу стало понятно, почему они были такими тяжелыми.

– Саша, а восемь кольчуг-то зачем? – недоуменно спросил он. – И остального добра в стольких экземплярах?

Шурик покраснел, как будто его поймали на чем-то постыдном, но ответил с вызовом:

– Считай сам! Одна – повседневная, одна – парадная. Нас – четверо. Вот и получается восемь!

К трем кольчугам слово «парадная» действительно подходило как нельзя лучше. Поверх проволочного плетения на них были закреплены очень красивые бляхи – частью просто серебряные, частью с самоцветами. Олег собрал их в охапку и одной кучей откинул в сторону. Туда же полетела еще одна кольчужка – совсем плохонькая, с прорехами на спине, про которую Норман подумал, что она предназначалась ему.

Остальные Олег раздал: Феликсу отложил ту, у которой на груди была металлическая пластина с грифоном, себе выделил такую же, но со львом. Норману и Шурику достались обычные кольчужные рубашки без всяких украшений. Так же были распределены и плащи: шелковые с тонкой шер-

стяной подкладкой и попроще – из грубой шерстяной клетчатой материи.

Шурику такой дележ не понравился, и он уже откликнулся обиженным «а почему?», но Феликс его окоротил:

– Ты, Саша, легенду, что ли, забыл? Или не слушал ничего на инструктаже?! Знатные дружинники – мы с Олегом, а никак не ты. А при знати всегда должны быть люди пониже значением. Иначе какая же это знать? Вот на то есть ты с Норманом. Кметами⁴⁰ будете.

Шурик сник, а Олег быстро покончил с распределением амуниции: раздал шлемы, поножи и наручи, наколенники приказал отнести назад.

– Толку от них, поверьте, никакого. Только мешаются!

Пока Норман их уносил, Феликс велел Шурику залить и заложить дерном угли, а сам лишний раз перепроверил заплечные мешки, которые собрал перед готовкой: все ли, что нужно, они с собой взяли. Большая часть содержимого, за исключением икон-коммуникаторов, медтусков и монет, золотых и серебряных, казалась ненужным хламом, но все это были очень полезные вещи, как, например, маскировочные костюмы, которые в активированном виде делают человека необъятным толстяком и скрывают оружие, и химикаты для наведения массовых галлюцинаций. Олег забрался на дуб, дождался, пока эта ревизия закончится, законопатил

---

⁴⁰ Кметы – один из разрядов средневековой русской дружины, профессиональные воины. Со временем за личные заслуги могли быть выдвинуты в состав бояр.

лаз в землянку и соскользнул на землю по переброшенной через сук веревке, которую не без труда удерживали Норман и Шурик.

– Без кольчуг теперь никогда и никуда, – напомнил он им. – Тяжесть это небольшая, так что привыкнете. Если почувствуете, что где-то что-то трет, жмет или болтается, – сразу говорите. Исправим. Все ясно?

– Ага, – ответил Шурик. Норман кивнул.

– Ну, тогда пошли! – скомандовал Олег, глянув на компас в виде средней величины медальона, и на ходу раздал всем репеллент.

Пройти предстояло около двадцати километров через самую глухую часть Мещерской низменности в общем направлении на юг, к реке Буже. Еще в центре, когда Квира показывала окрестности базы, Олег присмотрел на ее берегу пару неразоренных деревень. «Какие-никакие лошади там должны быть. Купим», – решил он.

Лес здесь был очень густой, настоящий кошмар лесника: на паре квадратных метров часто высилась и взрослая ель, и пара таких, что на дубины хороши. Но в кольчугах через заросли, как оказалось, можно было идти довольно быстро. «Проходишь и даже слово „продираться“ не вспоминаешь», – подумал Норман.

Они перешли вброд небольшую речушку Выюницу, а через другую, Тасу, водоворотистую, с мутной бурой водой, перебрались, повалив клонившуюся к воде ель. За второй ре-

кой местность стала повышаться, ельник начал уступать место соснам, солнечные лучи уже не пропадали в паутине переплетенных веток, соскальзывали к земле. А когда из-под ног совсем пропал влажный мох, Олег нашел место для привала – небольшую поляну на краю довольно глубокого, доверху заполненного кустами оврага.

– Сколько мы прошли? – спросил Шурик. – Километров пятнадцать?

– Около того, – ответил Олег и, сделав над собой небольшое усилие, спросил как можно участливее: – Ты как? Все нормально?

И тут же пожалел.

– Я устал! – заявил Шурик и стал говорить о непереносимой сложности пути через густой ельник, о поганых канавах, заросших мхом, в которых можно ногу сломать, и что «ни хрена репеллент не помогает». Заметив выражение лица Олега, он закончил спокойно: – Но в общем все терпимо. Мне просто надо немного отдохнуть.

– Всем надо немного отдохнуть, – кивнул Олег и провел вокруг себя рукой: располагайся, мол, все к твоим услугам.

Шурик улегся неподалеку прямо на траве на самом краю оврага. Ветки сосен там почти совсем не загораживали солнце, лежать было тепло.

Феликсу конец перехода тоже дался тяжело. Он был бледен и довольно сильно прихрамывал. Однако когда Олег взял его за плечо, усадил на землю и потянулся снимать сапог, Фе-

ликс остановил его раздраженным жестом, означавшим «да успокойся ты! отстань! все нормально».

Олег отстал. Феликс посидел минут пять молча, перестал хмуриться и сказал примирительно:

– Может, пришло уже время для постперебросочного допинга?

Олег покопался в своем мешке и раздал всем прозрачно-желтые капсулы, внутри которых можно было разглядеть взвесь из бледных ниточек.

– Это что? – спросил недоверчиво Шурик.

– Бери-бери! – откликнулся повеселевший Феликс. – Здесь рыбий жир и женьшень. Как роботы будем топать – непреклонно и необоримо.

Олег вдруг прислушался – как накануне, когда он выбрал кружной путь на «остров». Потом сработал как катапульта: сдернул с пояса небольшую палицу и, широко размахнувшись, бросил ее в заросли ивняка на краю оврага.

В кустах что-то коротко взвыло. Все вскочили на ноги.

– Фил, можешь сходить? Посмотри, что у нас за гость там!

Феликс вытащил меч и пошел в сторону затихших кустов.

Олег вытащил из-за спины лук и положил на тетиву стрелу. Норман, посмотрев на него, сделал то же самое.

– Иди сюда, Олег! – прозвучало из ивняка спустя минуту.

Теперь голос у Феликса был совсем другой – от клоунады не осталось и следа. Были в нем беспокойство и печаль, которые Олег по прошлым экспедициям хорошо знал. Печаль,

которая звучала так: ну вот, началось.

В кустах лежало существо, которое Квира, большая ценительница фэнтези, глянув издали, наверняка назвала бы неудачным опытом выведения орков. А Несынов, в орков не веривший, но являвшийся лучшим специалистом по голодомору на Украине⁴¹, сказал бы, наверняка болезненно морщась, что видел таких в лесах под Винницей. На третий год такие, мол, были. На второй еще не было, а на третий встречались.

Лежащий был худ и неимоверно грязен. Если бы у него были волосы, то они висели бы сплошным колтуном, а вши были бы самыми безобидными его обитателями. Но на черепе – местами чуть ли не насквозь изъязвленном – почти ничего не было. Несколько седых пучков разной длины – и все.

Но страшнее всего были руки, вернее то, что от них осталось. Кистей не было, а там, где у обычного человека бывают запястья, кости были расщеплены и сплюснены, срослись оголенными, превратившись во что-то вроде двузубых грабель или каких-то чудовищных цапок.

– Это ведь специально сделано? – спросил Феликс.

---

⁴¹ Голодомор – массовый голод 1932—1933 годов практически на всей территории Украины, в то время формально автономной части Советского Союза, приведший к гибели до 4 млн человек. Причиной голодомора стала государственная политика: повышенные хлебозаготовки после проведения так называемой «коллективизации сельского хозяйства», то есть ликвидации частных аграрных хозяйств, а затем и почти полное изъятие запасов у крестьян. Советский диктатор тех времен Иосиф Сталин и ряд его соратников были признаны судом виновными в голодоморе в 2010 году.

– Думаю, да, – ответил Олег и начал пучком травы оттирать коросту у локтя несчастного. Потом помолчал несколько минут, вздохнул и заговорил так, как будто у него донельзя першило в горле:

– Давай глубокую мемограмму сделаем. Зови Нормана, пусть следит за мной, а Шурик пусть не валяет дурака и сторожит как следует. Стоит там, на лужайке, и сторожит. А ты вокруг полазай, посмотри, нет ли кого еще.

Глубокая мемограмма, в отличие от обычной, представляла собой не наблюдения хрономенталиста, остающегося самим собой, а попытка реконструировать то, что приходится хроноригену⁴² видеть, слышать и чувствовать в момент наблюдений. Чтобы овладеть этим ремеслом, требовалась индивидуальная предрасположенность и около трех лет интенсивного обучения, в основном индивидуального, наедине с преподавателем. Поэтому хороших специалистов было немного, а тех, кто был способен на документальную точность, – не более полутысячи на все шестимиллиардное человечество.

Хороший результат получался, если хрономенталисту удавалось специальным образом настроить свой организм, ввести его в состояние, когда мозг начинал впитывать как губка услышанное, увиденное и почувствованное – слова, картинки и впечатления. Надо было сделать с собой то, что

---

⁴² Хронориген (по аналогии с «абориген») – по определению хрономенталистов, люди, живущие в своем времени и никогда его не покидавшие.

на профессиональном сленге называлось «отключить раскус», забыть, кто ты и откуда, и полностью раствориться в происходящем.

Девятого мая 1945 года⁴³ нужно было стрелять в воздух и с радостным остервенением кричать «ура», задыхаться, надрывая пересохшее горло, заходиться в кашле, вытирать слезы и снова кричать. Нужно было плакать, не стесняясь, в Далласе, когда полоумный Освальд застрелил Джона Кеннеди⁴⁴. Нужно было опасно жаться по краю торжищной площади в день, когда московский князь Дмитрий Иванович, впоследствии Донской, объявил о неслыханном ранее – публичной казни, которой должен был быть предан Иван Вельяминов⁴⁵. Восемнадцатого февраля 1943 года нужно бы-

---

⁴³ Девятое мая 1945 года – день окончания Второй мировой войны в Европе. Нацистская Германия безоговорочно капитулировала.

⁴⁴ Джон Фицджеральд Кеннеди (1917—1963) – 35-й президент США (1961—1963), демократ, проводил политику предоставления чернокожему населению равных прав. 22 ноября 1963 года ехал в Далласе в открытом лимузине и был смертельно ранен из снайперской винтовки Ли Харви Освальдом, перед убийством почти три года прожившем в конфликтовавшем с США Советском Союзе. Два дня спустя после убийства Кеннеди Освальд тоже был застрелен во время перевода из полицейского управления в окружную тюрьму. Согласно выводам комиссии Эрла Уоррена, председателя Верховного суда США, Освальд «действовал в одиночку и без чьего-либо совета или помощи».

⁴⁵ Иван Вельяминов, сын последнего московского тысяцкого, независимого от княжеской власти главы городского ополчения Василия Вельяминова, рассчитывал на отцовскую должность, но великий князь Дмитрий I Иванович, впоследствии Донской, ее ликвидировал (1374). Иван Вельяминов отъехал в Тверь, а когда тверской князь Михаил Александрович после поражения в войне с Москвой

ло орать вместе со всем берлинским Шпортпаластом «да!» в ответ на безумные выкрики Йозефа Геббельса⁴⁶, который хотел знать, готовы ли немцы и дальше слепо верить своему вождю Адольфу Гитлеру⁴⁷, вести ради него тотальную войну, пожертвовав всем ради победы. Быть вне себя от страха в утро стрелецкой казни⁴⁸. Ликовать 22 августа 1991 года в сотысячном потоке людей, идущих по Тверской улице в Москве под гигантской трехцветной лентой и смаковать ощущение свободы⁴⁹.

А сейчас? Сейчас надо было просто ужаснуться.

Глубокие мемуары делали в особо важных случаях.

(1375) обязался его выдать, бежал. Пойман был на территории Московского княжества в Серпухове, где оказался по непонятным причинам. Казнили его отсечением головы мечом (1379).

⁴⁶ Йозеф Геббельс (1897—1945) – рейхсминистр народного просвещения и пропаганды нацистской Германии, гауляйтер Берлина. Покончил жизнь самоубийством в последние дни штурма Берлина советскими войсками. Считал, что, «сражаясь до конца», создает для своей личности героический облик, что с пользой смогут использовать новые поколения нацистов.

⁴⁷ Адольф Гитлер (1889—1945) – основатель тоталитарной идеологии национал-социализма (нацизма), рейхсканцлер Германии (с 1933), неограниченный диктатор (с 1934). Главный виновник Второй мировой войны и массового уничтожения мирного еврейского населения в Европе. Покончил жизнь самоубийством в Берлине за несколько дней до безоговорочной капитуляции Германии.

⁴⁸ 10 октября 1698 года в Москве начались массовые казни участников неудачного стрелецкого восстания. По воле царя Петра I лишены жизни были около 2000 человек.

⁴⁹ Массовая манифестация в Москве после неудачной попытки консервативно-военно-политического путча, организованного членами так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению.

Нынешний был именно таким, скорее даже исключительным: ничего подобного раньше во время своих экспедиций сотрудникам Центра прикладной хрономенталистики встречать не приходилось.

Олег посторонился, и Норман увидел лежащее на земле тело. Побледнел, несколько раз быстро сглотнул, но самообладания не потерял. Потом глубоко вздохнул, окончательно избавляясь от тошноты, и спросил, показывая на руки бедняги:

– Не похоже на травму. Это специально?

– Да. Думаю, специально. Ты вот на эту тамгу обрати внимание, – Олег присел и показал пальцем на бедро. – Надо ее обязательно хорошенько запомнить.

– Кнут и колесо это.

– Монгольская? – уточнил Олег.

– Да, – кивнул Норман.

Олег встал на колени рядом с несчастным и начал аккуратно раздвигать лохмотья: нет ли еще отметин на теле? Ткань была полусгнившей, расползалась под пальцами, он хотел было уже бросить это занятие, но тут его рука наткнулась на пустоту в паху, и мозг прострелила мысль: «Да это женщина?»

Лоб залил холодный пот. Олег вытер его ладонью и нехотя потянул в сторону лоскут, зацепленный за поясной шнурок, – все, что осталось от портков. Потянул и вздрогнул.

Нет, перед ним лежала не женщина. Это был мужчина,

которому варварски вырвали член и мошонку. Именно вырвали. Олег много видел скопцов, так как в одну из первых своих самостоятельных экспедиций прошел и проехал пол-Сибири, изучая русские скопческие общины⁵⁰. Поэтому он отлично понимал, что ужасные рубцы и лохмотья омертвевшей плоти здесь были не от ножа. Скорее всего, несчастному привязали к мошонке веревку, а другой конец ее – к хвосту коня. А потом...

Потом Олега вмиг охватила ярость – исступленная и неуправляемая. Он рухнул на колени, стиснул челюсти и заколотил кулаками по земле. Она ответила: чуть наклонилась, покачнулась, как палуба корабля в сильный шторм, и вернулась на место.

Через пару минут Олегу стало легче. Захотелось пойти в церковь, обязательно деревянную, старую, где нет электричества, постоять перед деревянными досками икон, закопченными, на которых почти ничего не видно и можно представить себе все что угодно. Постоять там долго-долго, пока ноги не зануют от неподвижности, а голова не закружится от духоты. Потом выйти и вздохнуть полной грудью... А потом, потом...

---

⁵⁰ Скопцы – последователи секты «духовных христиан». Оскопление рассматривают как богоугодное дело и единственный способ спасения души. Секта возникла в XVIII веке; во второй половине XIX века общая численность скопческих общин в России составляла около 6000 человек. В царской России секта преследовалась в уголовном порядке, наказанием была ссылка. В СССР была запрещена.

Потом он обнаружил, что стоит, глядя вверх, в голубое майское небо, по которому не спеша скользили небольшие облака: чистые, белые, дождя не предвещающие. «Эка меня зацепило... – мелькнуло в голове. – Нервы вроде всегда в порядке были...»

Он открыл медтесок, выудил оттуда оранжевый шарик, о котором накануне говорил Норману, положил его под язык калеке, потом, посомневавшись с секунду, добавил еще один. Затем резко встал, хлопнул Нормана по плечу, и они пошли обратно на лужайку.

Феликс встретил их, скрестив руки на груди и поджав губы.

– И что мы с ним делать будем?

– Как что? – пожал плечами Олег. – Ничего делать не будем. Я его полечил. Очнется скоро. Скорее всего, нас и не вспомнит.

– Нет! – Феликс хотел, чтобы это слово прозвучало весомо и безапелляционно, но получился всего лишь истеричный выкрик.

– Что «нет», Фил? – нахмурился Олег. – Ты о чем?

– О нем я, Олег. О том, кого ты чуть не угробил!

Олег чертыхнулся про себя. Раз в пять, наверное, лет Феликса поражал вирус всего-и-вся-спасения-и-сохранения. Он начинал жалеть всех без разбору, по поводу и без. Котенок, который не может спуститься с дерева, например, стоил тогда в его глазах вселенской катастрофы. Иногда дело дохо-

дило до того, что у Олега на даче в Карелии во время вечерних посиделок он запрещал травить комаров, а когда его после долгой перебранки наконец-то отказывались понимать, он обижался и уходил в лес.

– Его надо с собой взять! Хотя бы до первого селения!

– А что с ним, Фил, сделают в этом первом селении, когда мы уедем?

Феликс сделал вид, что не знает.

– А я, Фил, знаю, – продолжал Олег. – Его вышвырнут. И может быть, помня про нас, вышвырнут мягко, обходительно, только пару раз кнутом огреют. А могут ведь и собак спустить!

– Все равно мы должны попытаться его спасти! Он здесь не выживет! – Феликс повысил тон. – Давай до ближайшего монастыря его отвезем!..

– Его нигде поблизости не примут, – не уступал Олег. – Здесь сплошь разоренные деревни, а в тех, что уцелели, работники нужны, а не призреваемые. В Новгороде или Пскове подаянием он, может быть, и выжил. Подаянием! Но он про подаяние знать должен, помнить, что есть такая штука – подаяние. А что у него в голове осталось? Ты знаешь?! Нет! То-то же! А ведь он с самого начала вокруг нас крутился, и намерения у него не самые хорошие были.

– А это почему ты так решил? – спросил Феликс.

Олег осекся. На секунду ему показалось, что он сказал лишнее, но промолчать уже не получилось бы.

– Не знаю, что у него там с остатками разума происходит, кем он нас считает, – сказал он. – Но везти его можно только связанным. Ведь это он тебе, Фил, ногу разодрал.

Феликс ошалело глянул на Олега, потом нырнул в ивняк. А когда спустя четверть часа снова появился на поляне, буркнул только «нет его уже, спрятался», подхватил свой мешок, вытащил из-под кольчуги компас-медальон и первым спустился в овраг.

VII

Через час пути, перед самым закатом, они увидели огромный луг. Его дальняя, южная граница скрывалась в тумане, поднимающемся от реки, он казался бесконечным. И только небольшая церковка, выглядывавшая поверх стелющейся по земле дымки, показывала, что до цели сегодняшнего перехода – первой деревушки на берегу Бужи – им осталось не более получаса.

Однако сначала нужно было осмотреться, и Шурик был послан оборудовать на ближайшем дереве наблюдательный пункт. Олег решил потратить несколько минут свободного времени на то, чтобы показать Норману, как собирать подзорные трубы. Принцип здесь был тот же самый, что и со стаканами, из которых они пили накануне: на каркасе зафиксировать двухслойную кожаную обтяжку, затем установить линзы. Сложность была только одна: чтобы все защелки каркаса сработали, нужно было одновременно надавить на него в восьми разных местах.

Олег взял все эти железки, стекляшки и лоскуты потрепанной кожи, выглядевшие как хлам, извлеченный из сумки старьевщика, сделал, казалось, только одно движение и протянул Норману элегантный цилиндр:

– На, любуйся!

Норман посмотрел на опушку соседнего леса, до которого

было не меньше двух километров, и удивился качеству оптики: он разглядел даже красную макушку дятла, расширявшего дупло в сосне. А лису, с любопытством наблюдавшую за этим занятием с земли, не успел, потому что Феликс забрал подзорную трубу и полез на сосну к Шурику. И почти сразу же удачно передразнил майского тетерева. Три раза.

Это было знаком опасности, а потому Олег быстро собрал еще пару подзорных труб и забрался на соседнее дерево.

Теперь у реки, закрыв церквушку, поднимались дымы. И если бы они были белесыми, то Олег сразу же успокоился бы, решил, что на луговине начали жечь прошлогоднюю траву. Но дым был черным, горело что-то хорошо просмоленное.

Поднявшийся следом Норман притащил с собой оба лука – свой и Олегов, поднял на веревке остальное оружие и всю поклажу. Олег проверил, крепко ли все привязано к веткам, и снова поднес к глазам подзорную трубу. Теперь он увидел, что в их сторону бегут люди. Бегут изо всех сил, спотыкаясь, падая, снова поднимаясь, задыхаясь и снова падая, – в изнеможении.

Причин паники он сразу понять не смог. И только когда догадался окинуть взглядом всю долину, южнее увидел конный отряд – полсотни смуглых людей в кожаных доспехах на низкорослых лошадях. Всадников этих Олег лучше всего знал под названиями «монголы», «монголо-татары» и «ордынцы». Они, судя по всему, только переправились через ре-

ку, потому что как раз с ног предводителя стаскивали сапоги, чтобы вылить из них воду. На месте отряд задержался совсем недолго: командир, сотник, судя по значку на длинной жерди, который возили рядом с ним, взмахнул рукой, и монголы рассыпались по приречной луговине – понеслись за бегущими людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.